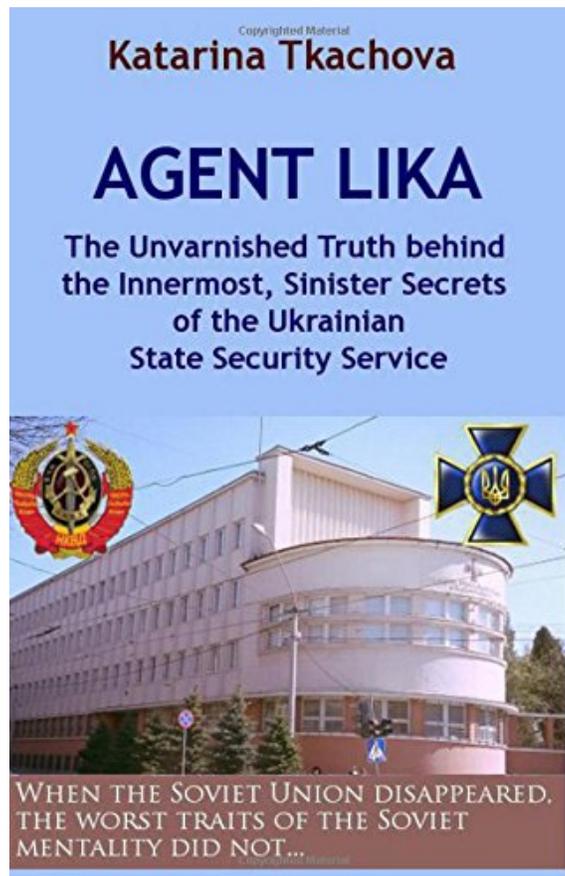

Катарина Ткачёва

АГЕНТ ЛИКА

Неприкрашенная правда о самых глубоких и зловещих тайнах Службы безопасности Украины

Перевод с английского, Киев, 2015.

Оригинал: Katarina Tkachova, Agent Lika. The Unvarnished Truth behind the Innermost, Sinister Secrets of the Ukrainian State Security Service, 2015.

О книге: Идеалистка-перебежчица из России работает на СБУ, Службу безопасности Украины, помогая разоблачать деятельность пророссийских террористов на Донбассе. Но когда ей приходится работать с новым, таинственным и подозрительно выглядящим человеком, она обнаруживает, что ее дело это не просто сражение за правду, – это сражение за ее жизнь и свободу. Когда Совет-

ский Союз исчез, худшие черты советского менталитета не исчезли... Бывший агент ГРУ, профайлер, специалистка по латентно-семантическому анализу, перебежчица и идеалистический волонтер – удивительно правдивая история девушки, которая помогала Службе безопасности Украины (СБУ) ловить пророссийских террористов на Донбассе и неожиданно раскрыла правду о тесном сотрудничестве между СБУ и ГРУ – российской военной разведкой.

«Когда Алекс поставил меня перед дилеммой стать угнетателем или жертвой, я выбрала стать жертвой. Если вы когда-либо создадите такую же дилемму для меня, я снова предпочту судьбу жертвы, потому что мой девиз звучит так: «Самое важное в этом мире – знать, что я не участвую в несправедливости».»

(Катарина Ткачёва, профайлер, специалистка по латентно-семантическому анализу)

Предисловие

Бывший агент ГРУ, профайлер, специалистка по латентно-семантическому анализу, перебежчица и идеалистический волонтер – удивительно правдивая история девушки, которая помогала Службе безопасности Украины (СБУ) ловить пророссийских террористов на Донбассе и неожиданно разоблачила тесное сотрудничество между СБУ и российским ГРУ.

* * *

Эта новелла полностью документальна. В ней все настоящее: имена, места, даты, события и даже диалоги, которые я воспроизвела частично на основе диктофонных записей, а частично – по памяти.

В Главе 3 я описала, как я сбежала из России в Украину. Летом 2014 года для меня был только один способ вырваться из железных тисков ГРУ – сбежать из России. В самом конце июля я поехала в Словакию с Йозефом – агентом ГРУ, который был моей «сиделкой», и в середине августа я убежала от него. И как раз тогда я сделала этот шаг и поехала в Украину. С тех пор я много раз задавала себе этот простой вопрос: «Как я могла поверить им?». Да, теперь этот мой тогдашний шаг кажется, мягко говоря, очень наивным, но тогда, в августе 2014, я верила в украинский Майдан, в их так называемую «Революцию достоинства». Я была уверена в том, что украинцы действительно хотят построить свое независимое государство, которое было бы свободным от влияния путинской России. Я была полна решимости помочь им в этом, а также в их слабых попытках показать всему миру истинное лицо ужасного режима Путина.

С середины августа до середины ноября я работала с Володей – офицером Львовского областного управления СБУ. Я делала это на чисто добровольной основе и не получала от СБУ никаких денег. Вместе с Володей мы провели примерно месяц, расследуя деятельность группы пророссийских сепаратистов, называвших себя «Львовской Народной Республикой». Я составила исчерпывающий профиль этой организации и ее членов. Наше расследование было очень успешным и закончилось арестом пяти участников террористической ветви этой группы, которую они называли «Отрядом имени Кузнецова». Мы также расследовали роль, которую банда под названием «Ночные волки» играла в войне на Донбассе. Я составила для Володи полный отчет о сербском террористическом батальоне «Йован Шевич» и его участии в войне на Донбассе. В конце октября я подготовила для Володи подробный профиль российского олигарха Михаила Фридмана. До сегодняшнего дня я не знаю, зачем этот профиль понадобился Володе.

В Главе 4 я описала, как Володя исчез, и я начала работать с Максимом. Предполагалось, что он был из СБУ, но у меня никогда не было никаких подтверждений этого предположения. Он был очень умным парнем, хотя и весьма таинственно и подозрительно выглядевшим, и ставил передо мной действительно интересные, серьезные и сложные задачи. Несмотря на это, я ни разу и ни при каких обстоятельствах не замечала в нем подлинного интереса к моей деятельности – того интереса, который всегда демонстрировал Володя. Я написала для Максима подробный профиль группы, называвшейся «Харьковской Народной Республикой», и ее членов. Я расследовала взрывы, произошедшие в Харькове в ноябре и декабре 2014 года, и составила профиль, который помог СБУ поймать террористов. После этого Максим попросил меня найти всю имеющуюся информацию обо всех пророссийских террористических батальонах на Донбассе. Я написала для него очень большой отчет на эту тему.

Помимо Володи и Максима в этой новелле появляется еще один человек из СБУ – Володя Чопик – шеф того Володи, который работал со мной. Я надеюсь, что читатели не спутают их.

Несмотря на мою напряженную работу я не получила в Украине никаких прав как перебежчик, никакой защиты и никакой помощи. Больше того, СБУ злоупотребляло мною. Когда моя работа была им нужна, они воспользовались мною, но они же начали преследовать меня, после того, как получили такой приказ от ГРУ.

Глава 1.

Третья степень

4 ноября 2006 года.

Был очень холодный вечер этого странного нового праздника, 4 ноября, который я называла «празднованием дня, когда Восток восторжествовал над Западом». Снег еще не выпал, но мороз был сильным, и при дыхании у людей из ноздрей вырывались маленькие облачка пара, которые медленно растворялись в воздухе. Воздух был настолько холодным, что казался хрустящим и хрупким как тонкое стекло.

Майор ГРУ Алексей («Алекс») Игоревич Гусев, которого я звала просто «Алекс», быстро шел со мной по Садовому Кольцу, улице в центре Москвы, возле очень длинного белого здания, которое по своей архитектуре очень напоминало НИИ – советский научно-исследовательский институт.

Алекс был хорошо образованным парнем. Однажды он попросил меня проспрягать несколько латинских глаголов, чтобы узнать, насколько хорошо я действительно знаю латынь, а потом произнес пару фраз на латыни и сказал, чтобы я перевела их. Он был не очень высок, лишь немного выше меня, и его внешний вид был очень арийским. Такая характерно арийская внешность необычна для России этих дней, потому что меня всегда интересовало, откуда родом этот «истинный ариец». У него было красивое овальное лицо, голубые глаза с холодной, ледяной жестокостью, светлые волосы, светлые ресницы и брови. В его внешности было что-то от немца, и я, глядя на него, много раз думала, что у него должны были быть немецкие корни. Он всегда носил безупречно элегантные костюмы – серые или синие – удивительно чистые, белые рубашки и красивые галстуки. В этот день его элегантный костюм был скрыт под длинным черным пальто, а на голове его была кепка, очень похожая на ту, которую всегда носил Юрий Лужков, тогдашний мэр Москвы.

Алекс пытался обсудить со мной подробности дела, касающегося этого бедного бельгийца, месье Жана-Франсуа Тири, который, как я полагала, был невиновен и чист как стеклышко, но я быстро запыхалась на этом сильном морозе. Алекс повернул к дому девятнадцатого века, который находился рядом с этим огромным советским зданием, и открыл дверь из голубого пластика со стеклом. Сразу за порогом начиналась лестница, которая вела в подвал. Мы спустились по ней, и на пару секунд я замерла на месте, будто под воздействием какого-то заклятия – помещение, представшее передо мной, было невероятным – единственным, как казалось, кафе в Москве, которое было оформлено в стиле советской эпохи.

На всех стенах висели десятки советских плакатов, а на столах под стеклом лежали советские открытки, преимущественно пропагандистского типа, советские бумажные деньги и монеты. В большом окне стояли две очень большие куклы, одетые как пионеры: девочка с горном и мальчик. «Ты записался добровольцем?» – спрашивал советский солдат с одного плаката на стене, нарисованного в красных тонах, указывая пальцем на меня. «Повышай производительность труда!» – призывала почтовая открытка на одном из столов. Мне показалось, будто внешний мир 2006 года внезапно растворился в морозном трескучем воздухе и сменился советской эпохой 1920-1950-х годов.

Алекс сел за стол возле окна с пионерами, а я присела напротив него. Совсем рядом со мной был камин с искусственной имитацией горящих дров, хотя он давал настоящее тепло.

Алекс широко расставил локти на столе, слегка наклонился вперед и начал с напоминания о том, что я считала, что его расследование деятельности месье Тири было противозаконным. Он произнес длинный монолог о необходимости того, что он делает, с патриотической точки зрения.

- Я словачка, Алекс, – жестко возразила я. – Вам всегда нужно помнить об этом. Эта страна – не моя родина, она ничего для меня не значит, и все ваши слова для меня пустой звук, не имеющий никакого значения.

Он поднял плечи, закрыл глаза и дотронулся до висков. Для него мои слова были серьезным ударом. Он посмотрел на меня своими холодными голубыми глазами.

- Вы будете работать с делом Тири? – спросил он.

- Нет, не буду.

- Вы будете нашим штатным агентом? – настаивал он.

- Нет, – резко ответила я. – Я не буду больше работать на вас, потому что вы аморальные мерзавцы, жизнь которых руководствуется одним лишь принципом: «Цель оправдывает средства».

Алекс не ожидал от меня таких резких слов. Он наклонился ко мне, опершись руками на колени.

- Но вы будете агентом ГРУ! – заявил он приказным тоном, и его голос стал на октаву выше из-за раздражения и гнева.

- Не буду, – настаивала я, сложив кончики пальцев обеих рук в форме шпиля, и не отводя от него взгляда моих зеленых глаз. – Вы требуете от меня, чтобы я продала вам мою душу и мою личность. Но я не могу это сделать, и не могу отказать от моих моральных принципов.

Я чувствовала, как напряглись мои мускулы, и как все сильнее билось сердце, когда во мне возрастала несгибаемая решимость.

- Тогда я посажу вас в тюрьму на двенадцать лет, – он размышлял о чем-то, неподвижно глядя в потолок, а потом добавил: – Возможно, даже больше.

Я задумчиво и печально смотрела на камин, где прыгали искусственные языки огня, и чувствовала, как густое темное облако его угроз и его очень настоящей, мощной власти плотно окружало меня, заставляя мою кровь похолодеть, но это внезапное дополнение было той излишней каплей, которая позволила мне не принимать его угрозы всерьез.

- Я невиновна, Алекс, – заявила я со слабой улыбкой. – И у вас нет ничего, чтобы посадить меня в тюрьму.

Двое прохожих – женщина и маленькая девочка – появились перед большим окном с пионерами и маячили там как в огромной раме. Они стояли перед окном и как зачарованные смотрели на пионеров.

«Невинное создание», подумала я, имея в виду девочку. «Она никогда не видела пионеров, она ничего не знает о том времени, но я, я очень хорошо о нем знаю».

Изнутри этого кафе, из этого места, где воплотилась советская эпоха, где в образе офицера ГРУ присутствовал ее самый ужасающий, самый темный и самый пугающий фактор, было очень странно смотреть наружу, на улицу, где шел 2006 год. Эта улица и этот 2006 год, видневшиеся снаружи в окне как в огромной, импозантной, музейного стиля раме в ядовитом желто-розовом свете уличных фонарей, казались искусственными, имитационными и ненастоящими, как кино. Я внезапно поняла, что на самом деле с советских времен ничего не изменилось, что ГРУ не изменилось, и что методы этих ужасных людей оттуда тоже не изменились.

В голубых ледяных глазах Алекса, который был твердым как гвоздь и жестким как старый сапог, я увидела, что старые методы ГРУ отнюдь не были ужасными историями из давних времен, что они были куда более реальными, чем весь этот 2006 год с его декларативной демократией. И это придало мне решимости

стать мученицей за свои моральные принципы, но только не поддастся давлению жестокого, злого и бессердечного Алекса.

Глава 2.

Обвинительный приговор

21 марта 2007 года.

Четыре месяца спустя.

14 марта Алекс удобно устроился за одним из столов в его любимом кафе «Му-Му» на Старом Арбате в Москве. Здесь было тихо и уютно, и свет массивных, в стальной оправе ламп в старинном стиле бросал бледные пятна на простые деревянные столы и каменные стены этого зала, который казался пустынным – так мало посетителей было в нем.

Алекс начал с того, что приказал мне написать письмо этому бедному бельгийцу, месье Жану-Франсуа Тири. Я отказалась. Он наклонился ко мне через стол и буравил меня жестким, острым и холодным взглядом своих голубых глаз. На какое-то мгновение я почувствовала, как его воля окутывает меня подобно тяжелой, угрожающей туче и лишает меня силы характера, но я тут же подняла голову и сама посмотрела прямо на него внимательным, гневным, жестким и бескомпромиссным взглядом. Его гипноз незамедлительно исчез, растворился в воздухе – я уже научилась противостоять его методам.

* * *

На следующей неделе, 21 марта, Алекс решил наказать меня за отказ написать письмо месье Тири.

- У вас есть друзья? – спросил он, шагая по одной из боковых улиц близ Старого Арбата. – Конечно, есть, – добавил он, не дав мне ответить. – Если вы не подчинитесь и не согласитесь работать на нас, агент Лика, я расскажу всем вашим друзьям, что вы плохой человек, и у вас больше не останется ни одного друга. Потом мы не позволим вам найти хоть какую-то работу. Так, это вы должны понимать. Вот теперь ответьте: Вы будете нашим агентом? Да или нет?

- Я не буду работать на вас, и я больше не собираюсь выполнять ваши приказы.

- Значит, не будете, – он украдкой бросил на меня агрессивный взгляд, и отталкивающая жестокость сверкнула в его холодных голубых глазах.

- Не буду. Я уже говорила вам и могу повторить еще раз, что я не могу работать с использованием ваших методов. Для меня это означает продать свою совесть и свою личность.

Алекс повернул на абсолютно безлюдную, тихую и уединенную улочку, и я последовала за ним. Мы долго шли в глубокой, зловещей, холодной тишине. Алекс незаметно рылся в своем портфеле, продолжая идти, и внезапно вытащил оттуда пистолет Макарова.

- Я убью тебя в эту же минуту, и никто ничего не увидит и не услышит. Он угрожал, приставив пистолет к моему правому виску. – Ни одна живая душа не узнает, кто тебя убил.

Я замерла, чувствуя, как похолодела кровь в моих венах. Не страх в обычном смысле этого слова, а огромное, физически осязаемое, почти невыносимое напряжение приковало меня к этому месту, потому что все мои мысли, вся сила моей души и моего существа были направлены к одной единственной цели – оставаться абсолютно спокойной, совершенно индифферентной, и не только не ПОКАЗЫВАТЬ своих эмоций, но и вообще не ЧУВСТВОВАТЬ их, несмотря на то, что я ждала выстрела в любую секунду. И почти незамедлительно я ощутила, как улица растворилась, исчезла где-то в прозрачном воздухе – моя сила воли, которую я тренировала все эти длинные месяцы, победила в этой психологической битве. Лицо Алекса стало вялым, он волочил ноги, видя, что я холодна как мрамор, и, образно говоря, замаскировала свое волнение. Он медленно покачал головой и в смущении осмотрелся по сторонам.

- Мы можем застрелить тебя, отравить, переехать машиной, – перечислял он, тяжело дыша.

Он на шаг отстал от меня, избегая моего взгляда, и спрятал пистолет обратно в портфель.

Мы дошли до угла этой боковой улицы, где находился очень маленький круглый парк, состоявший из фонтана, нескольких простых деревянных скамеек и пары клумб.

- Я хочу услышать ваше окончательное решение, агент Лика: станете ли вы нашим штатным агентом и будете ли исполнять наши приказы? – продолжал он свое принуждение, присев на одну из скамеек и жестом предложив мне сесть рядом с ним.

- Нет.

- Ну ладно, я понял, – выругался он хриплым, гортанным голосом, ноздри его раздулись, и он тыкнул пальцем мне в лицо. – Мы ломаем всю твою жизнь, – прошипел он, яростно уставившись на меня.

Что-то очень особенное, необычное прозвучало в этом его шипении, что-то с очень глубоким значением, смертельно опасное, серьезное вспыхнуло в его суровых ледяных глазах, и я поняла, что на этот раз это было уже не просто какой-то очередной угрозой, это было приговором.

«Это конец», подумала я, нерешительно глядя на весело выглядевший розовый барочный дом на другой стороне улицы, который так сильно контрастировал с моим настроением, «мне только что вынесли обвинительный приговор».

Глава 3.

Перебежчица

21 августа 2014 года.

Восемь лет спустя.

21 августа – на следующий день после моего прибытия во Львов, Украина, я пошла в управление Службы безопасности Украины (СБУ) во Львовской области.

Это было огромное внушительное здание, выросшее из монументального советского строения, и покрашенное в розовый цвет. Оно занимало целый квартал рядом со старым парком.

Секретариат размещался в отдельном, сером и мрачно выглядевшем здании с типичной советской мозаикой на фасаде. Это здание было через дорогу от главного строения. Я вошла в этот дом и прошла через очень маленькую приемную в помещение секретариата. Человек, сидевший там за большим столом, поднял голову и посмотрел на меня. Я сказала ему, что мне нужно поговорить с кем-то из офицеров по очень важному делу. Он тут же понял, что у меня **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** есть что-то важное и попросил подождать в приемной.

Спустя примерно полчаса появился какой-то офицер. Он был высокий и хорошо сложенный, даже, возможно, несколько полный, с приятным круглым лицом и чубом светлых волос. Я не могла точно определить его звание, потому что он был в гражданской одежде, но по его манере разговора я предположила, что он не ниже майора.

- Володя, – он протянул мне руку.

Он провел меня в другой кабинет, и там мы с глазу на глаз беседовали несколько часов. Я описала ему мою ситуацию во всех подробностях, и он легко, без заминок понял ее. Володя бомбардировал меня постоянным и, казалось, бесконечным потоком самых разных вопросов. Его интересовали дела, которые расследовал Алекс, он спрашивал, почему Олег, начальник Алекса, отправил мне весной 2014 года эти материалы о деятельности пророссийских террористов на Донбассе, и хотел узнать, кого из офицеров и агентов ГРУ я знаю лично. Он попросил меня составить список людей из ГРУ, которых я знала – офицеров, агентов и других лиц, работавших на них. Володя пообещал помочь мне получить документы, которые позволили бы мне находиться в Украине, и пообещал защитить меня от провокаций, которые могло бы организовать ГРУ.

* * *

На следующий день, 22 августа, я еще раз встретила с Володей и отдала ему этот список. Он организовал мой строгий допрос, вроде тех, которые они привыкли проводить по всему бывшему Советскому блоку, спрашивая об одном и том же несколько раз подряд в разной последовательности, чтобы удостовериться в том, что я говорю правду.

С того дня я активно работала с ним до середины ноября, когда события приняли новый, неожиданный и резкий поворот.

Глава 4.

Володя совершает арест

7 ноября 2014 года.

Два с половиной месяца спустя.

В середине октября Володя попросил меня расследовать группу, называвшую себя «Львовской Народной Республикой» – узнать все, что только можно, о ее членах. Я написала для него очень подробное сообщение о тридцати пяти участниках группы, и, кроме этого, сделала их общий профиль, цель которого была показать Володе характеристики среднего члена «Львовской Народной Республики». Подавляющее большинство участников этой группы соответствовали этому профилю. Володя был очень рад получить его.

Неделей позже Володя и я встретились в кафе «Пиццерия Престо», как обычно. Это довольно мрачно выглядевшее кафе находилось через дорогу от здания

Львовского областного управления СБУ – в помпезном розовом барочном доме с большой белоснежной статуей Девы Марии в красиво украшенной нише. Володя выбрал это кафе для наших встреч, когда на улице было слишком холодно.

Войдя в кафе через главный вход, Володя знаком попросил меня следовать за ним и уверенно прошел через ряд комнат в самый конец здания кафе, где размещался маленький изолированный кабинет с тяжелыми красными бархатными гардинами и единственным массивным столом. Огромный портрет Будды висел на стене над столом.

- Мы их взяли! – воскликнул, садясь за стол, Володя с искренней гордостью.

- Кого «их»? – поинтересовалась я.

- Этих пятерых террористов из «Отряда имени Кузнецова», террористической ветви «Львовской Народной Республики».

- Мой профиль помог? – спросила я.

- Да.

- Вы потом взяли и этих российских членов? – я подняла брови и наклонилась к массивному столу.

- Гм-м, да, – он поднял одно плечо, демонстрируя отсутствие заинтересованности.

Его реакция показалась мне именно в тот день такой странной и неубедительной, что я решила провести свое расследование относительно этого ареста и обнаружила два видео. На одном было детально показано задержание этих пяти террористов. На другом два человека сидели у стены с большой черно-белой фотографией советского разведчика Николая Кузнецова. На них была военная форма и черные балаклавы, а в руках – автоматы. Они заявляли, что они очевидно являлись членами «Отряда имени Кузнецова», и что все пятнадцать членов этой группы находятся на свободе.

Я позвонила Володе.

- Вы знаете, что эти типы обмочились во время ареста? – спросила я.

- Нет.

Мои глаза расширились, брови поднялись, а тело напряглось.

«Странно», подумала я, покачав головой. «Он должен был это знать, потому что, как он сам мне говорил, он лично принимал участие в их аресте».

- Как же так, я же ясно видела это на видео, – воскликнула я. – Это означает, что они трусы, они не идеологические террористы. Во-вторых, – продолжала я, – вы видели это заявление, сделанное другими двумя людьми в военной форме и в черных балаклавах, о том, что они являются членами «Отряда имени Кузнецова», и что все пятнадцать членов этой группы на свободе?

- Нет. В «Отряде имени Кузнецова» было всего пять человек. Мы арестовали их всех.

- Тогда кто такие эти парни в балаклавах и с автоматами? И почему они заявляют, что есть еще тринадцать человек помимо них?

- Я не знаю. Я не видел эти видео. Пришлите их мне.

«Вот так они работают, офицеры из СБУ!!!», думала я, перебирая пальцами мое большое ожерелье из бус.

- Я могу сделать латентно-семантический анализ высказываний этих ваших пяти задержанных, – предложила я.

- Я об этом подумаю, – быстро пробормотал Володя слишком тихим голосом, который выдавал полное отсутствие заинтересованности, и откашлялся, – я подумаю об этом.

«Почему он не хочет дать мне работу, которую я так хорошо делаю?», размышляла я. «Он чего-то боится, или он просто блефует – пытается показать, что он, очевидно, занимается более серьезной работой, чем та, которую он исполняет на самом деле?»

Я заметила признаки существования скрытого подводного течения и хорошо знала, что если это течение подхватит меня, то невозможно будет предсказать, куда оно меня вынесет.

«Что происходит?», размышляла я, крутя в пальцах мой нагрудный медальон. «Где я в конечном итоге окажусь, если вовремя не пойму направление этого подводного течения?»

Глава 5.

Крот

18 ноября 2014 года.

В этот вторник Володя удивительным образом не опоздал на встречу. Он появился точно вовремя – в три часа дня – в узком входе в кафе «Пиццерия Престо», где мы обычно встречались. Кафе было слабо освещено скудным желтоватым светом больших ламп в проволочной оправе, и представляло собой довольно скучное и унылое зрелище с его каменными стенами, выкрашенными в грязно-бежевый цвет, и с удивительно большими темно-коричневыми столами и скамейками, обитыми кожей шоколадного цвета.

Я как раз писала свою новеллу, так что я отложила ручку, долгим внимательным взглядом посмотрела на Володю и слегка подняла брови.

Обычно он шел со мной в маленькое помещение в самом конце кафе, где мы могли обсуждать секретные вопросы, так, чтобы никто не мог нас услышать. Но в этот раз он просто сел на скамейку за большим столом напротив меня, где я как раз писала.

Через пять минут после его прихода какой-то человек спешно приблизился к нашему столу и плюхнулся на скамью рядом с Володей. Он был довольно высокий, стройный, с копной взъерошенных черных волос, с густыми черными бровями, черными ресницами, и очень темными, пронизывающими глазами. Его лицо и весь его внешний вид был очень восточным, и он удивительно сильно напоминал кавказца. Я удивилась, увидев во Львове человека такого типа, уж очень необычно выглядел он для Западной Украины. У него не было акцента, типичного для западных украинцев, и он говорил по-русски бегло и выразительно, как может говорить только тот, кто родился в России. Его манера речи резко отличалась от манеры Володи.

- Это Максим, – мягко и нерешительно произнес Володя, опустив голову и глаза.

Володя сидел очень подавленным, уставившись в стол, и не был способен встретиться глазами с моим испытующим взглядом, и его невербальная коммуникация, «язык тела», явно демонстрировала его опасения и заметное отсутствие уверенности в себе. Его поведение очень точно показало мне, что груз этой ситуации буквально давил на него.

- Почему? – поинтересовалась я, анализируя его странное, ненормальное поведение.

- Мне нужно поехать в длительную командировку, – сказал он, продолжая смотреть в стол.

Я немедленно предположила, что это неправда – Володя не мог поднять взгляд на меня и встретиться с моим вопрошающим взглядом.

Он начал рассказывать новому человеку обо мне, и только в этот момент его поведение изменилось: он сложил кончики пальцев обеих рук в форме шпиля, что доказывало его самообладание, основанное на хорошем знании ситуации.

- Вы собираетесь остаться на Украине? – неожиданно спросил новый коллега.

- Вы задали мне сложный вопрос, – ответила я задумчиво, внимательно рассматривая его настойчивым, любознательным взглядом. – Я не чувствую, что я здесь в безопасности. Вы знаете, как несколько лет назад в Киеве похитили Леонида Развожаева, одного из лидеров российской оппозиции?

В тот момент, когда я произнесла этот вопрос, новый человек внезапно посмотрел с неодобрением, продемонстрировав этим свое презрение по отношению к Развожаеву, откинулся назад и отвернулся в угол от меня, показывая этим, что эта тема вызвала у него раздражение и дискомфорт. Его очень заметные небрежные сигналы выдали мне, что он прекрасно знает обстоятельства этой истории, а также тот факт, что ему не понравилось, когда я об этом упомянула.

«Принимали ли украинцы какую-то активную роль в похищении Развожаева», задумалась я, и в моем уме усилилось ядовитое чувство тяжелого подозрения по отношению к новичку.

Глава 6.

Максим раскрывает свои мысли

23 и 24 декабря 2014 года.

Один месяц спустя.

С середины ноября я знала, что за моей спиной медленно, постоянно и незаметно что-то происходит. Я постоянно замечала следы существования этого подводного течения, но мои усилия определить его направление очень долго ни к чему не приводили.

И все же я знала, что если это течение подхватит меня, то невозможно будет предсказать, где я в результате этого окажусь. Я мысленно говорила самой себе, что гораздо лучше было бы раскрыть самую болезненную правду, когда у меня еще будет время, чтобы попытаться что-то изменить, нежели жить в спокойной и удобной иллюзии до того момента, когда уже ничего нельзя будет изменить.

Во вторник 23 декабря это невидимое подводное течение внезапно превратилось в стремительный и грохочущий Ниагарский водопад, угрожавший затянуть лодку моей жизни в свой могучий поток.

- На этой неделе вы должны начать процесс получения статуса беженца, – заявил мне Максим, пристально рассматривая меня своими холодными и строгими темными глазами.

Я задумчиво и печально посмотрела на большую черно-белую фотографию счастливо улыбающейся женщины в военной форме и симпатичного морского офицера, висевшую на стене нашей неизменной «Пиццерии Престо», где происходили все наши встречи с Максимом, и почувствовала, как густое темное облако его угроз и его очень настоящей, мощной власти плотно окружало меня, заставляя мою кровь похолодеть.

«Он хочет запереть меня здесь надежно и на неопределенный срок», подумала я, стиснув зубы, и почувствовала боль в задней части горла. Перед моим мысленным взором возникла яркая картина шифровальщиков ГРУ, которые, как настоящие заключенные, проводят свою жизнь в Ватутинках.

- В законе Украины о статусе беженца написано, что, если человек не получает этот статус, он или она должен покинуть территорию Украины. И куда мне тогда ехать, хотелось бы мне знать? – спросила я твердым, негромким голосом, направив на него палец, чтобы подчеркнуть серьезность моих слов.

Максим опустил голову.

- Сейчас люди с российскими паспортами, как правило, не получают статус беженца в Украине, – согласился он.

- Ха! – усмехнулась я с презрением, откинув голову назад.

- Но, – продолжил он, – мы сделаем так, что Вы этот статус получите.

- Я понимаю, – язвительно произнесла я. – Вы можете гарантировать мне на 99,9%, что я действительно его получу?

- Нет, мы не можем, – продолжил он. – Мы можем дать не больше чем 60% такой гарантии.

- Итак, это ненадежно, – сделала я вывод. – Вы знаете, как это называется?

Я хмуро взглянула на него и прищурила глаза. – Я называю это захватывающей авантюрой. Это как раз оно и есть – только эти слова. Кстати, – вставила я в безразличной манере, давая понять, что эта тема меня не особо интересует, – почему вы хотите, чтобы я получила статус беженца?

Максим клюнул на мой крючок.

- Сейчас мы не можем применять по отношению к вам какие-либо ограничения, – признал он, – но когда вы получите статус беженца, мы можем установить их для вас и будем следить, с кем вы поддерживаете связь.

Я сжала руки в кулаки, чувствуя, как своеобразная тюрьма, сделанная из стали и бетона, готовится сжать меня в своих тисках. Такое заключение угрожало оказаться даже хуже того, которое организовал для меня Алекс – там я могла бунтовать и стать жертвой своего бунта, но здесь мое непослушание могло означать мою немедленную высылку в Россию и в руки тех самых офицеров ГРУ, и я видела реальность этого в строгих, холодных, темных глазах Максима. И все же это затруднительное положение было таким зловещим, что у меня не было другого выбора, кроме как попытаться помешать ему и попробовать найти какой-то выход. Люди из ФСБ и особенно из ГРУ думают, что «быть угнетателем это лучше, чем быть жертвой», но когда Алекс поставил меня перед дилеммой стать угнетателем или жертвой, я выбрала стать жертвой. Я знала, что если Максим когда-то снова поставит меня перед такой же дилеммой, я снова выберу судьбу жертвы. Я не буду угнетать других. Здесь не могло быть другого решения.

- О каких ограничениях вы говорите? – поинтересовалась я, прищунив глаза и насупив брови.

- Вы не должны ничего писать американцам обо мне, или о Володе или о том, о чем мы говорим.

- Почему?

- Потому что я так хочу! – выпалил он.

- Но это не ответ! – я сверлила его твердым, пытливым, почти обвиняющим взглядом. – Я хочу знать причину!

Я снова и снова крутила кольцо с изумрудом на своем пальце, пока мой мозг анализировал его слова и пытался раскрыть его скрытые мотивы.

Зловещая тишина, наполненная сильным напряжением, которое почти искрилось в атмосфере как зигзагообразная молния, висела в воздухе. Я позволила этому напряжению сконцентрироваться еще больше, стать неудобным и тяжелым, в надежде на то, что Максим выдаст что-то важное, но он, очевидно, не собирался ничего говорить.

- Послушайте, – резко возразила я, достигнув границы терпимости, – вы же недавно подписали договор с американцами.

- Я не подписывал! – прервал он.

- Ты лично не подписывал, – возразила я, – но Вы, как организация, как страна, подписали, и предполагается, что вы будете сотрудничать с американцами.

Максим сжал зубы, и что-то хищное, волчье появилось на его восточном лице. Он продолжал настаивать на том, что я не должна поддерживать связь с американцами.

В моем уме возникла живая и ясная картина: с одной стороны стоял мой американский учитель с его чистым и одухотворенным талантом – человек, к которому я испытывала глубокое уважение и преданность, а на другой стороне находился жестокий, поверхностный и плохо образованный Максим.

«Как же я могу предать моего прекрасного учителя, который помог мне развить свою личность, ради вот этого никчемного, жалкого Максима?!», думала я, пылая негодованием. «Это не только невозможно, это даже невысказано!»

Я увидела, что какие бы договора ни подписывала Украина, украинцы, а именно СБУ, не хотели этого. Они открыто демонстрировали неповиновение и не собирались сотрудничать с американцами, по крайней мере, искренне сотрудничать. Я поняла, что невозможно доверять СБУ, и что всегда следовало помнить о том, что они могут предать американцев в любой момент.

* * *

На следующее утро, в среду, 24 декабря, Максим неожиданно позвонил мне и сказал, что хочет встретиться со мной в этот же день, чтобы обсудить один вопрос, связанный с получением статуса беженца.

- Я объясню вам это в подробностях, и после этого вы сразу же начнете процесс, – заявил он.

«Ладно», подумала я, перебирая пальцами бусы моего большого ожерелья, «я воспользуюсь этой встречей в своем духе и скажу ему открыто и честно все, о чем думаю».

Точно в половине третьего я вошла в зал неизменной «Пиццерии Престо» и с удивлением увидела там спину Максима, который уже сидел за нашим традиционным столом.

- Вы специально и намеренно заставляете меня получить статус беженца, не так ли? – скорее констатировала, чем спросила я, вешая свое пальто на крючок.

- Мы хотим быть уверены, что вы не уедете куда-нибудь из Украины, – сознался он. – Теперь вы это понимаете?

- Ха, – мрачно усмехнулась я, с понимающим видом и с иронией. – Вы думаете, что сказали мне что-то новое? Нет! Я знаю это, и я узнала об этом даже не вчера, нет. Я догадывалась об этом почти с самого начала, с того самого дня, когда вы впервые упомянули о статусе беженца.

Он хранил молчание и смотрел на меня в упор, пристально и недоверчиво. Его глаза расширились, а рот стал вялым.

- Вы знаете, чего я абсолютно НЕ понимаю? – продолжала я с той же скоростью и напором. – Я совершенно не понимаю, почему в 2005-2006 годах у меня была годовая иммиграционная виза в Словакию, почему годом ранее у меня была почти «королевская» виза в ЕС, с которой я могла ездить куда захочу, и почему здесь, в Украине, меня поставили перед только двумя возможностями: либо быть нелегальной иммигранткой, либо же меня заставят получить этот проклятый статус беженца! Я НЕ верю, что здесь нет других возможностей! Они должны быть, например, для людей, которые просто работают здесь.

Максим кивнул.

- Если это было возможно в ЕС, то это должно быть возможно и здесь, – добавила я. – Кроме того, задумывались ли вы хоть когда-то над тем, что мы – вы и я – можем столкнуться с очень серьезными проблемами, когда я уже получу статус беженца? – спросила я, используя агрессивный тон и перебирая пальцами бусы на моем ожерелье. – Я знакома с американским законом о статусе беженца, с европейским законом и теперь и с аналогичным украинским законом, и я знаю, что часто очень серьезные проблемы только начинаются тогда, когда у человека уже есть этот статус беженца. Ведь существуют законы, которые нельзя повернуть вспять, и стоит мне лишь однажды получить статус беженца, как я уже не смогу от него отказаться. Вы готовы ответить за свои действия?

Максим поднес трясущуюся ладонь к своему лбу. Его плечи сжались, и его грудь прогнулась назад. Он сидел на скамье и смотрел на стол остекленевшими глазами. Его уверенность в себе была полностью уничтожена.

Я продолжила свою атаку с целью защитить мою свободу и те вещи, которые были святы для меня.

- Вы когда-нибудь слышали, как живут шифровальщики ГРУ в Центре связи ГРУ в Ватутинках под Подольском? – многозначительно спросила я, пристально рассматривая Максима.

- Ну, – запнулся он, немного отбросив назад голову. – Я знаю, кто такие шифровальщики, но не...

Я заметила, как Максим пытался ускользнуть от этой темы, которая была щекотливой для него, и подняла руку, остановив его.

- Просто ответьте, пожалуйста.

- Они живут там как заключенные в тюрьме, – согласился он быстро.

- Правильно, – кивнула я, – в точности как заключенные. Вчера я увидела, что вы собираетесь поместить меня в такие же условия, как в Ватутинках, образно выражаясь.

Он старательно пытался отрицать это.

- Я дипломированный специалист по латентно-семантическому анализу, – упрямо констатировала я. – Я анализировала каждое ваше высказывание. Вчера вы сами сказали мне об этом в столь многочисленных словах. Потому для вас нет никакого смысла отрицать это.

Максим отвел взгляд и опустил подбородок на грудь, сильно ссутулившись.

- Да, – он тяжело, мучительно вздохнул, – я не буду организовывать для вас режим вроде Ватутинок. Он бормотал, задыхаясь, с искаженным лицом. – Я обещаю.

Я подняла кверху голову и сделала рукой небрежный жест, показывая ему, что он может не продолжать. Я уже ясно видела, что у офицеров СБУ все еще сохранились и советский менталитет, и эти советские методы.

«Люди думают, будто Майдан что-то изменил, но на самом деле он изменил прискорбно мало. СБУ все еще управляется по советским принципам, а офице-

ры СБУ очень сильно похожи на офицеров КГБ», размышляла я. «Я не могу им верить и не могу принимать обещание Максима всерьез».

Глава 7.

«Детектор лжи бедняка»

3 января 2015 года.

Пролетело полтора месяца с тех пор, как появился Максим, но моя работа с ним все еще не приобрела нормальную конструктивную основу. Я все время замечала признаки, говорившие мне, что ему на самом деле не нужен был весь тот материал, который я делала для него. У меня было сильное чувство, что он даже не хотел получать тот МАТЕРИАЛ, который Володя так рад был бы получить. Он хотел видеть, КАК Я РАБОТАЮ. И когда Максим начал пытаться контролировать меня в той самой манере, в которой пытался делать это Алекс в 2006-2007 годах, мое терпение лопнуло.

Поэтому я решила прояснить ситуацию и послала по электронной почте Максиму список моих вопросов. Вместо того чтобы ответить на них, он предложил встретиться.

Было двадцать минут третьего. Я пришла рано, как обычно, и у меня все еще оставалось десять минут времени до того момента, когда должен был прийти Максим. Я перешла улицу и поспешила к большому розовому вычурному барочному дому, который стоял на углу улицы – в десятке метров от приемной Львовского областного управления СБУ. Высокая, снежно-белая статуя Девы Марии в красивой нише, украшенной белыми и коралловыми искусственными цветами, приветствовала прохожих со скругленного угла этого дома. Я открыла тяжелую дверь «Пиццерии Престо», которая размещалась в подвале, и спустилась по скрипучей деревянной спиральной лестнице.

Главный зал кафе был окутан мягким серым полумраком. Искусственная рождественская елка, украшенная синими и золотыми шарами, тускло блестела в нише. Я двинулась к массивному деревянному столу в углу и сняла пальто, созерцая черно-белую фотографию, изображающую человека со счастливой улыбкой, стоявшего у своего автомобиля в стиле середины 1950-х годов.

«Он немец или американец», думала я, рассматривая детали фотографии. «Нет, думаю, он американец. У немцев другие, более круглые черты лица».

Высокая фигура Максима, одетого в короткое поношенное черное пальто, появилась в дверях. Он увидел меня, подошел к столу и сел.

- Почему для вас так важно следить за мной? – начала я свой опрос, смотря на него пристально и вопросительно.

Максим сжал губы, ясно показывая мне, что этот мой вопрос вызвал у него опасения и настороженность, и даже спровоцировал определенный стресс.

«Ага», подумала я. «Не может быть сомнений, что эта тема очень важна для него. Интересно, поймала ли я его на горячем».

- Если вы куда-то поедете, я должен был бы знать, могу я рассчитывать на вас или нет.

Он нес явную чепуху.

- Так что я должен знать, могу ли я позвонить вам или нет, гм, – он запнулся и поморщился, – чтобы рассчитывать на вашу помощь. Так, чтобы знать, то ли вы здесь, то ли вы не здесь, то ли вы поехали куда-то. Ну, это не важно. Важно знать, в какой момент мы можем рассчитывать на вашу помощь.

- Я не это имела в виду, – остановила я его, подняв руку. – Я чувствую, что вы собираетесь контролировать меня как Алекс: каждый шаг, каждое слово, каждый жест. Вот, ЧТО я имею в виду.

- Такого нет... – нерешительно начал он свой ответ, как будто он шел по зыбучему песку и остановился, не зная, как продолжать, – только одно, как я уже вам говорил, это ваши контакты с американцами.

Бах! Он сам выболтал это признание, даже не поняв, что именно он сказал.

- Затем этот статус беженца. Он переключался на мой следующий вопрос из списка, пытаясь избежать темы, которая явно представляла для него огромную трудность, и очевидно надеясь на то, что следующий вопрос окажется меньшей проблемой.

- Это, несомненно, очень хороший способ управлять кем-то, то есть контролировать его, – констатировала я, продолжая мою линию интервью. – Как этот факт, что я должна была получить статус беженца, связан с вашими попытками контролировать меня?

Глубокая, нервная тишина, заряженная напряжением как грозовая туча электричеством, повисла в воздухе.

- Статус беженца, гм-м-м! – он заикался, нахмутив брови, и отчаянно пытался найти какой-то ответ, который удовлетворил бы его. – Вы должны законно

находиться здесь, так, чтобы вас не выслали, не запретили бы оставаться здесь или въезжать сюда. Это может быть статус беженца, или какой-то другой документ; это не важно. Так, мы продолжим работать над этим.

«Он борется с информацией», размышляла я, сложив кончики пальцев обеих рук в форме шпильки. «И это указывает на то, что этот вопрос очень чувствительный для него, и что я была права, когда предположила, что этот статус беженца нужен ему как инструмент, чтобы контролировать меня».

- Какой статус у меня сейчас с учетом того факта, что я принадлежу к вашей организации? – продолжила я свой опрос.

- В настоящий момент мы только общаемся с вами, поддерживаем контакт. У вас нет никакого другого статуса, – признал он. – Это связано с..., – он сделал паузу, замолчал на некоторое время, чтобы собраться с мыслями, – когда у вас будут законные документы, когда вы будете находиться здесь легально, тогда..., – он снова запнулся, показывая мне, что эта тема была для него очень трудной, – тут еще был ваш вопрос о допросе.

Он перескочил на другую тему, ибо был не в состоянии дать мне вразумительный ответ по существу.

Я немедленно отметила в уме, что Максим не знал, что мне сказать – именно поэтому два его предложения остались незаконченными. Это было очень ясным индикатором его нечестности. Помимо этого, он отчаянно пытался избежать ответственности за свои действия.

- Во время нашей предыдущей встречи вы были не в состоянии объяснить, какой статус будет у меня в будущем с учетом того факта, что я принадлежу к вашей организации. Пожалуйста, объясните, – спросила я, сверля Максима своим внимательным и осторожным пристальным взглядом.

- Когда вы будете абсолютно легализованным лицом, мы будем в состоянии говорить спокойно, когда мы почувствуем, что вам не угрожает Алекс, мы еще раз увидим, кто что-то знает, и кто нет, и затем мы придем к решению, что мы должны сделать после этого. Когда вы будете защищены от Алекса.

Он продолжал, продолжал и продолжал, и его слова взлетали в воздух как фейерверк, но они были абсолютно пусты, лишены любого значения, совершенно бессмысленны. Мне с трудом удалось заставить себя не улыбаться, когда он болтал об Алексее, потому что его манеры, его методы, его поведение так сильно напоминали мне об Алексее, что время от времени я не могла не подумывать о том, что Максим был похож на Алекса как его клон.

Следующий вопрос был чрезвычайно важен для меня, и я приложила все усилия, чтобы не показать это Максиму.

- Почему во время нашей предпоследней встречи вы сказали мне, что не хотели бы, чтобы я посылала информацию американцам? – спросила я самым спокойным, беспечным тоном.

Он нахмурил брови и наморщил лоб, показывая мне этим свое беспокойство и большое напряжение.

- Так, мы говорили, говорили об этом, и не пришли ни к какому соглашению, не так ли? – уточнил он, так поджав губы, что они полностью исчезли.

Я заметила, как Максим использовал очень хорошо известную тактику лгуна, чтобы избежать объяснения мне мотивов его действий. Это означало, что я коснулась очень чувствительной темы, которая вызвала его реальное напряжение и очень большое беспокойство.

- У меня не было никакого сомнения, что вы проверяли Йозефа, – внезапно выболтал он. – Что касается меня, то это необязательно нужно делать, не так ли?

Он произнес это убеждающее заявление мягким, приглушенным голосом, пытаясь завоевать мое доверие и убедить меня в том, что он говорит правду.

Он не понимал, что именно это и было очень хорошим индикатором обмана, который пробудил во мне устойчивое убеждение, что было абсолютно необходимо исследовать его биографию, его прошлое и его связи.

Он сделал длительную, напряженную паузу, надеясь, что я вставлю какой-то комментарий, но я очень хорошо знала, что тишина – это оружие, потому что я просто позволяю тишине заполнить все окружающее пространство, сгуститься и стать настоящим тяжелым бременем. Я не собиралась нарушать тишину и освободить Максима от того дискомфорта, который она для него создавала. Я спокойно ждала, пока его возбужденная склонность заполнит эту тишину.

- Вот так, – продолжил он, достигнув своей границы терпимости, – так, вы спрашивали, почему я не хотел, чтобы вы отправляли кое-какую информацию американцам, не так ли?

Я знала, что он остановился на некоторое время, чтобы подумать, что именно сказать мне, и все же я повторила свое вопрос для него.

- Вопрос сформулирован неправильно, – неожиданно заявил он, пытаясь придать этому заявлению столько веса, сколько было возможно.

- Он сформулирован в соответствии с методами, – строго возразила я, – и этот вопрос является самым важным.

- Вы пропустили здесь одну вещь, одну фразу – «в отношении нас», – сказал он кратко, резко и пристально впиваясь в меня бескомпромиссным, уничтожающим взглядом его темных карих глаз. – Так, чтобы вы не сообщали им какую-либо информацию о нас. Вы пишете книгу, вы можете отправлять какую-то информацию о своей книге. А все сведения обо мне, о Володе, обо всем, что мы делаем, – он запнулся, – все эти критерии, я прошу, чтобы вы не сообщали о них им. А все остальное – пожалуйста.

Я чувствовала, как дрожь предчувствия и понимания голой правды шла вверх и вниз по моему спинному хребту, вызывая напряжение в моих мышцах. Я немедленно осознала тот факт, что американцы вызывают в Максиме одни только крайне отрицательные эмоции и ассоциации. Это было зловещим явлением, так как только русские националисты и донбасские сепаратисты демонстрируют такие качества.

- И как вам это представляется? – возразила я. – Послушайте, у меня часто бывает следующая ситуация: Володя звонит мне и просит: «Пожалуйста, найдите для меня сепаратистов в Луганской области». Я начинаю искать и нахожу организации. Потом я узнаю людей из них. Невозможно сделать это любым другим способом. Часть этих людей – американцы. Я не сказала бы, что американцев там много, но они там есть. Я же должна сообщить ФБР о них, это мой долг.

- Вы можете отправить это им, – согласился он, – но прежде, чем сделать это, вы обязательно должны обсудить это со мной.

Он забыл о своем неопределенном термине «мы», который он использовал, когда его ум отчаянно пытался избежать ответственности за свои действия, и начал выражать свое желание прямо, в приказном тоне.

- Это один из основных принципов, на которых построена Система. Я понимаю, что вы находите вещи, которые могут быть интересны им. Но если, – он запнулся, подыскивая какое-то выражение, которое устроит его, – им будут, – он сделал паузу еще раз, чувствуя, что это была не та фраза, которую он хотел, – давать все это немедленно, то этот принцип окажется под сомнением.

Наконец-то из него вышли подходящие слова: – Они смогут делать выводы, что именно мы делаем.

Когда тема приблизилась к его работе, Максим снова унесся вдаль в земли Волшебника из страны Оз, не желая признавать, даже в своем собственном уме, что ОН был тем, кто совершал это.

- Какими бы друзьями они ни были, но это другая страна, и они не должны знать о том, что мы делаем.

В тот момент, когда Максим подошел ближе к вопросу об американцах, его слова стали более сильными, более резкими и требовательными.

Я крутила и крутила свое кольцо с изумрудом на пальце.

«Если мы предполагаем, что Максим из СБУ», размышляла я, нерешительно осматривая комнату и оценивая синие и золотые шары на наводящей тоску рождественской елке в нише, «то эта его фраза в точности означает то, что, несмотря на тот факт, что есть соглашение о помощи для Украины, или нет такого соглашения, украинцы НЕ собираются сотрудничать с США. Они жадно, алчно и нагло хватают помощь, деньги, оружие, и т.д., но они не будут нормально сотрудничать, и им НЕЛЬЗЯ ДОВЕРЯТЬ – ни при каких обстоятельствах».

- Если говорить точно, то я не против самого того факта, что вы должны сообщать об этом, – согласился Максим, – но вы должны заранее поговорить со мной, и я скажу вам, в какой форме отправлять им эту информацию.

Его приказы становились все более властными, грубыми и категорическими. – Так, не пишите им, «я искала то, то и это». Вы можете сказать им, что нашли это сами. Но до этого обязательно расскажите все это мне.

Его требования были зловещими и скандальными, но я уже перестала чувствовать какой-либо шок и оставалась безразличным и холодной как мрамор.

- Но если вы не доверяете мне, почему вы не хотите допросить меня? – я спокойно продолжала свое интервью.

- Для этого мне вовсе не необходимо верить вам, понимаете? – Максим еще раз использовал эту известную тактику лгунов, отвечая вопросом на мой вопрос, пытаясь избежать того, чтобы сказать мне определенные вещи. – Поскольку мы не говорим о какой-то ситуации, которая возникла просто так. Есть много имен, событий, связей. Я теперь попытаюсь разделить все это на отдельные группы, так, чтобы мы работали со всем этим и ничего не забыли, так, чтобы было возможно позже собрать это в одной картине, а не просто сесть и написать что-то по памяти. Для меня необходимо устроить все по порядку: например, Алекс – это отдельная тема, потом Олег, Олег – тоже отдельная тема, Йозеф – еще одна отдельная тема. Мне все еще нужно подумать, как все это сделать, я должен

работать с этим. Так, эта тема возникнет и неизбежно будет затронута, и мы обязательно ею займемся.

Седьмым вопросом, который я подготовила Максиму, был так называемый «детектор лжи бедняка» – специальный прием, который указывает на обман. Этот вопрос должен был с безошибочной ясностью показать мне, лгал ли Максим мне или нет, но я знала, что фактически это был вопрос настоящего следователя – резкий, точный и даже оскорбительный – вопрос, который мог немедленно обидеть Максима. Это не было моим намерением, потому что я приложила все усилия, чтобы обернуть это «оружие» в такие мягкие, незаметные и бессмысленные слова, насколько это было возможно.

- Во вторник вы сказали мне, что не доверяете мне, – я бормотала мягко, понижив голос, – и все же, я не знаю вас так, как мне следовало бы вас знать, тогда почему я должна верить вам?

Он не осознал острый характер моего вопроса и его реальное значение. Это было для меня большим облегчением. Его невербальные сигналы показали мне, что он даже немного расслабился. Мысленно я потирала руки в удовлетворении – это было как раз то, что мне было нужно.

- Вы можете не верить мне. Вы можете не верить мне, – выпалил он быстро, повторив свою фразу дважды, чтобы попытаться убедить меня в своей очевидной правдивости. – Я не против. Только доверие, оно не развивается на пустом месте. Должно пройти какое-то время, чтобы выработалось доверие.

Максим провалил свой тест на «детекторе лжи бедняка»: его ответ был ответом лгуна. Больше того, он сам четко выразил, что были причины сомневаться в его правдивости: «Вы можете не верить мне. Я не против».

Мое интервью было закончено, и разговор плавно и легко перешел к другим темам.

- Помог вам мой профиль членов террористической группы, которая организовала эти взрывы в Харькове? – спросила я, пронзая Максима пристальным вопрошающим взглядом и наклоняя голову в сторону.

- Мы все еще анализируем это,- сознался он.

Я внезапно замерла, мои глаза расширились, и брови немного поднялись.

- Мне довольно трудно понять, ЧТО вы анализируете здесь, – строго сказала я, сделав особое ударение на слове «что», и мой пристальный взгляд стал холод-

ным, острым и суровым. – Это обычный профиль, написанный в той форме, которая должна помочь вам поймать террористов.

- Чтобы сузить круг подозреваемых? – спросил он, демонстрируя подлинное отсутствие понимания.

- Да, – кивнула я, немного поджимая губы. – Заметьте, – я почувствовала, как мое тело напряглось, и пульс ускорился, так что мои щеки немного покраснели, – я сделала все, что можно было сделать, учитывая тот объем информации, который у меня был. Вы должны признать тот факт, что у меня было очень мало информации.

Мой голос понизился из-за этой жгучей внутренней боли от обиды, которую я чувствовала. – Если бы у меня было больше информации, то я смогла бы сделать намного лучший профиль, – добавила я обвиняющим тоном.

- Мы не можем давать вам секретную информацию, – выпалил Максим стремительно и неожиданно.

- Что?! – мои брови поднялись еще выше, пока не образовали две подобные стрелам арки над глазами.

«Что он имеет в виду, говоря о 'секретной информации'?», думала я, смотря искоса и крутя на пальце мое кольцо с изумрудом. «Любая разведывательная информация, которая может быть у них об этих взрывах (о месте преступления и так далее) является, очевидно, обычными полицейскими данными. Если они не могут, или не хотят использовать профили, которые я даю им, то зачем я работаю, интересно? Или они передали мой профиль сепаратистам в Донбассе?»

Я была очень смущена, и опасение того, что моя работа была бесполезна, кусало меня как ядовитая змея.

- Вы можете поехать в Россию на один день и вернуться назад на Украину.

Максим внезапно высказал эту безумную идею, пытаясь увести меня от темы, которая представляла для него что-то вроде опасных зыбучих песков, и обсудить вместо этого проблемы моей легализации в Украине.

- Вы на самом деле сошли с ума? – резко воскликнула я. – Кстати, что мне делать, когда мой российский паспорт больше не будет действительным? – спросила я. – Он действителен только до середины октября.

- Вы должны будете пойти в российское консульство и попросить, чтобы они дали вам другой паспорт.

- Вы и правда сумасшедший? – я бросила ему вызов с еще более определенным язвительным упреком в моем голосе. – Любой юрист знает, что территория любого посольства и любого консульства является по закону территорией государства, которое представляют эти посольства и консульства. Значит, вы отправляете меня на российскую территорию. Это похоже на то, будто я просто приду туда и скажу: «Привет, ребята, я перебежчица, которая убежала от вас!». Я высокомерно ухмыльнулась.

«Интересно», думала я, «почему Максим с таким упорным постоянством пытается послать меня в различные места, где меня легко могут похитить? Что это – преступное намерение, или явная глупость?» Я стучала пальцами по столу, как будто пытаюсь выбить из столешницы ответ на мой вопрос. «Максим – хитрый человек, значит, довольно трудно предположить, что это просто его явная глупость».

Глава 8.

Открытие

18 января 2015 года.

Они играют со мной в какую-то игру.

Я вынуждена вести жизнь, которая основана на агрессивном соревновании, и мое принятие решений сосредоточено на победе или на достижении определенной цели. Максим пытается переиграть меня, а я вынуждена пытаться переиграть Максима. Мое будущее под угрозой, как и свобода моей индивидуальности: возможность принимать свои собственные решения, поддерживать мою дружбу, и так далее.

Я признаю, что все это происходит, и действительно, что Максим играет со мной в какую-то игру, проявляется во всей ее полноте.

Я чувствую, что меня принуждают вести себя так, как я веду себя теперь, и делать все, чтобы помешать усилиям Максима навязать мне его собственные правила игры.

Я теряю контроль. Область моей жизни, которая состоит из моей работы для Максима и ИХ, выходит из-под контроля, и я не могу установить свой контроль над этой проблемой.

В декабре и в начале января я была очень поражена требованиями Максима и его отношением ко мне. Потом, после последней встречи с ним, я расслабилась,

потому что я думала, что мы пришли к согласию. Но теперь я знаю, что эта проблема будет обостряться.

Они могут стремиться вынудить меня сделать что-то или отказаться от чего-то, и могут стараться заманить меня в ловушку в ситуации, из которой я не смогу выйти. Я могу оказаться в своего рода заключении, или Максим может установить для меня определенные ограничения.

Глава 9.

Один день как три осени

21 января 2015 года.

Ко дню этой встречи с Максимом я подготовила ему большой материал о батальонах российских террористов на Донбассе. Часть этого материала была в электронном виде, а другая часть была написана в школьной тетрадке с милым изображением Минни Маус на обложке.

- Вы сделали для меня работу, которую я просил вас сделать? – спросил Максим, даже не поздоровавшись со мной.

- Конечно, сделала, – я дала ему «флешку» и эту школьную тетрадь.

Он пристально и неодобрительно долго рассматривал рисунок на обложке и нервно, скривив губы, ухмыльнулся над изображением Минни Маус. Каким-то образом как раз в этот момент перед моим мысленным взором возник яркий образ Олега. Он тоже насмеялся бы над этой картинкой точно таким же образом, показывая свое презрение. Следовательно, насмешка Максима была очень русской по своему происхождению, и его пренебрежение и презрение к Минни Маус, которая является одним из символов американской культуры, были очень показательными относительно того, что происходило в его мыслях.

«Кто кроме русского так презрительно усмеялся бы над этим рисунком?» размышляла я, все крутя на пальце мое кольцо с изумрудом.

- Вы будете продолжать искать в Интернете людей, которые поддерживают так называемую «Новороссию»? – спросил Максим, буравя меня острым взглядом своих темных глаз.

- Учтите, Максим, я не могу дать вам гарантию, что люди, о которых я сообщаю вам как о «сепаратистах» и «террористах», действительно являются террористами и сепаратистами. Я должна убедиться, что они не искатели острых ощу-

щений, не шутники, не какие-то фиктивные участники или вымышленные персонажи в Интернете, созданные кем-то из российской разведки. Кроме того, я должна знать, что у этих людей есть реальные личности. У меня не должно быть никаких моральных «серых зон», как я это называю. Но самая важная проблема – моя озабоченность тем, что вы можете пытаться этих людей. Вы будете пытаться их, Максим?

Я направила на него продолжительный, внимательный, любознательный взгляд.

Максим отвел взгляд и опустил подбородок на грудь, сильно ссутулившись.

«Он будет их пытаться», поняла я.

- Послушайте, Максим, я знаю, что девизом офицеров ГРУ и КГБ неизменно были слова: «Лучше быть угнетателем, чем жертвой», но Уистен Хью Оден в своем стихотворении «1 сентября 1939» писал так:

«Мне с обществом известно,
Чему обучаются школьники все:
Те, кому зло сотворили,
Зло причиняйте в ответ».

Я не забываю этого, Максим, никогда не забываю. Я поклялась не причинять зло другим. МОЙ девиз, Максим: «Самое важное в этом мире – знать, что я не участвую в несправедливости». Эту фразу Александр Солженицын написал в своей книге «В круге первом». Когда Алекс поставил меня перед дилеммой стать угнетателем или жертвой, я выбрала стать жертвой. Если вы когда-либо создадите такую же дилемму для меня, я снова предпочту судьбу жертвы. Вы всегда должны помнить это.

- Итак, вы говорите, что невозможно сделать эту работу, не так ли? – спросил Максим.

- Профессор Ван Дузен у Жака Фатрелла говорил: «Нет ничего невозможного. Не говорите так. Это чрезвычайно раздражает меня», – парировала я.

Максим хитро улыбнулся, что было довольно странно, потому что он ничего не должен был бы знать о Жаке Фатрелле.

- Значит, вы заявляете, что просто не хотите делать эту работу, так? – спросил он.

От ГРУ я переняла плохую привычку: страх прямо сказать «нет». Так как Алекс всегда серьезно наказывал меня за каждое слово «нет», я приобрела это по-

стыдное качество. Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО говорю «нет», но в форме вежливых и долгих объяснений.

- Ну, – начала я мое своеобразное вежливое и долгое объяснение, – я не хочу быть ответственной за этих людей.

- И перед кем бы вы были ответственны?

- Перед богами.

- Так, – подытожил он, – значит, теперь вы не хотите искать этих людей в Интернете, правильно?

- Ну...

- Просто повторите за мной: «Я не хочу искать этих людей в Интернете».

- Я не хочу искать этих людей в Интернете.

Так он заставил меня произнести это в такой форме.

- Почему вы не хотите дать мне намного более профессиональную работу? – спросила я, прищутив глаза. – Я сейчас делаю такие вещи, которые мог бы делать любой стажер.

- Вы делаете латентно-семантический анализ высказываний, используя письменные, аудио- и видеоматериалы?

- Да, делаю, – кивнула я.

Подлинный страх появился в его темных глазах. Он усиливался до настоящего ужаса.

«Почему?», задумалась я.

* * *

События последующих дней оказались абсолютным и полным кошмаром.

Я провела целый понедельник, вызванивая Максима. Никакого ответа! Его телефон был переключен в режим голосовой почты. Я послала ему два текстовых сообщения. Без ответа!

«Даже если бы он был очень занят (поимка вооруженного террориста с заложниками, например, но этого он-то наверняка НЕ делал), он все равно мог бы найти пять минут и позвонить мне», размышляла я, анализируя ситуацию. «Значит, для такого поведения есть какая-то другая причина».

И почти немедленно я получила ответ – он пришел мне в голову в одно мгновение. Я вспомнила, что раньше офицеры КГБ заставляли своих арестованных допрашиваемых сидеть в комнате и ждать их, пока они придут, в ожидании допроса. Насколько мне было известно, самый длинный период ожидания составлял 48 часов. Я немедленно подумала, что Максим использовал этот метод против меня, только в несколько иной манере, заставив меня ожидать допрос, который он запланировал начать в тот день. Офицеры бывшего КГБ полагали, что человек, который прошел через такое ожидание, намного больше будет готов говорить. И все же, во мне это вызвало абсолютно противоположную реакцию, я стала непокорной, не желая вообще что-то говорить.

Я быстро и легко поняла, что Максим подвергал меня бойкоту, «обработке молчанием» («Silent Treatment»), что является одним из приемов эмоциональной манипуляции, и также методом пытки. Я называю это «один день как три осени», в соответствии с древней китайской поговоркой. Так Максим фактически пытал меня.

На следующий день я два раза звонила Максиму. Нет ответа – голосовая почта! Я позвонила по его другому номеру. Нет ответа – голосовая почта! Я отправила текстовое сообщение. Нет ответа. Я позвонила Володе – нет ответа, голосовая почта. Я позвонила по его другому телефону. Нет ответа – голосовая почта! Я отправила текстовое сообщение.

Спустя немного времени пришло текстовое сообщение от Володи: «Вы можете мне позвонить». Я позвонила и объяснила, что не могу дозвониться до Максима.

- Он в отпуске, – сказал Володя беспечно.

- В ОТПУСКЕ?! – рявкнула я с ужасающей выразительностью. – Он В ОТПУСКЕ?!

Я зажмурилась и прикусила губы, представив себе эту «прекрасную» ситуацию: Я сижу здесь в ожидании допроса, а он развлекается в отпуске!

Володя, который был беззаботным человеком, почти на грани лени, но зато намного более человечным и добрым, нежели Максим, немедленно понял эту мою резкость и тут же добавил виноватым тоном:

- Не волнуйтесь, Катарина, он скоро появится.

- Ладно, – продолжила я, будучи ужасно потрясенной до самой глубины души, – но он же сказал мне, что хочет допросить меня в начале этой недели!

- Хе-хе-хе! – хихикал Володя, – он хотел допросить вас, хе-хе-хе, он скоро появится, хе-хе-хе!

Смех Володи, возбужденный и смущенный, доказал мне, что все это дело в действительности было организовано специально, чтобы выбить меня из колеи.

«Они рассматривают меня не как коллегу, не как перебежчицу, а как подозреваемую», размышляла я, чувствуя, насколько разбитой, усталой и обиженной я была.

Но Максим не сломал меня. Я была непокорна и готова продолжать наступление.

Глава 10.

Допрашивающий, допрашиваемая

30 января 2015 года.

В четверг утром, это было 29 января, я еще раз со всех сторон рассмотрела ситуацию относительно этой пытки. Для меня было очевидно, что у всего этого могло быть только три возможных объяснения. Первой гипотезой была возможность, что Максим, вероятно, хотел наказать меня за мой отказ искать для него/для них этих людей в Интернете. Второй гипотезой было мое изначальное предположение, что это могло быть пыткой перед допросом в стиле старого КГБ. Третьей гипотезой была интересная идея, что у Максима, возможно, были значительные колебания относительно моего допроса, потому что он не был квалифицированным следователем, а я была дипломированной специалисткой по латентно-семантическому анализу. Мне в голову пришло, что в третьем случае было чрезвычайно сомнительно, что он вообще начнет допрашивать меня, если я сама каким-то образом не подтолкну его. В таком случае нынешнее положение дел представляло для него своего рода зону комфорта. Поэтому, я должна была сделать что-то достаточно сильное, чтобы вышибить его из этой зоны комфорта. Это означало активные действия. Я поняла, что без активных действий эта ситуация никогда не продвинется.

Я все тщательно обдумала и пришла к выводу, что лучший способ вышибить Максима из его зоны комфорта состоял в том, чтобы отправиться в центральное управление СБУ в Киеве и рассказать там все более высокопоставленным офи-

церам, нежели Максим и Володя Чопик. По крайней мере, это стоило попробовать.

Я отправила Максиму сообщение, в котором говорилось, что я планирую поехать в Киев как можно скорее. После дней мрачных размышлений о ситуации и ненамеренной фиксации на источнике этого мучения, которое могло бы ослабить мое сопротивление – и ослабило бы с ходом времени – и сделало бы меня более податливой к тому, чтобы подчиниться и согласиться на бессмысленные требования Максима, безумство активных действий было для меня реальным, почти ощутимым облегчением. Я поняла, что даже при этих обстоятельствах могу найти способ помешать правилам игры, которую Максим пытался навязать мне. Теперь это была совершенно новая игра.

Я помчалась к автобусной остановке и даже пробежала часть пути, чтобы сесть на автобус, который шел к вокзалу. Иногда во Львове трудно было купить билет в Киев, поэтому я хотела купить его как можно быстрее. Автобус замедлил ход у второй остановки, когда мой «смартфон» внезапно загудел. Я вытащила его из сумочки и взглянула на экран. Это был Максим.

- Тьфу! – плюнула я с саркастической ухмылкой, закатывая глаза, и выпрыгнула из автобуса в самый последний момент, когда двери уже закрывались.

Я чувствовала легкость в груди, и приятное тепло распространялось по всему телу.

«Угу!» Я поздравила саму себя, бросив радостный сияющий взгляд на мой «смартфон», который гудел, «Моя простая уловка работала! Это вышибло его из его зоны комфорта, конечно же!»

- Алло, Максим! – я ответила, наконец, на его звонок.

- Когда вы едете в Киев? – спросил он высоким, возбужденным голосом, даже не поздоровавшись со мной.

- Это зависит от вас, – ответила я загадочно.

- Нет, это зависит от вас.

- Нет, Максим, это полностью зависит от вас. Есть определенные проблемы. Если мы быстро разберемся с ними, то я вообще не поеду, но если мы с ними не справимся, то я поеду.

- У вас будут проблемы со мной в Киеве, – внезапно выговорил он неустойчивым, дрожащим голосом.

- Что вы имеете в виду?! – потребовала я строго.

- О, ничего! – пробормотал он извиняющимся тоном, слабо, как будто сожалел, что у него вырвалось предыдущее замечание.

- Давайте встретимся завтра, – предложил он.

- Хорошо. Я приду. Я закончила разговор.

На следующий день, это была пятница 30 января, я встретила с Максимом в неизменном кафе «Пиццерия Престо», в том же самом сумрачном главном зале с чрезвычайно большими и тяжелыми темно-коричневыми деревянными столами и с длинными скамьями, обитыми кожей шоколадного цвета. Мрачная рождественская елка, все еще стояла в своей нише, но ее синие и золотые шары уже меньше блестели из-за пыли, которая накопилась на них.

Максим прибыл вовремя. Он всегда был точен как часы.

- Почему вы решили наказать меня за мой отказ искать для вас этих людей в Интернете? – спросила я, прямо проверяя первую из моих трех гипотез.

- Нет, я вас не наказывал, – отрицал он.

Он не ответил на мой вопрос должным образом, потому что вопрос был о его мотивах, и он не назвал мне ни одного мотива. И все же это был явный отказ, который не дал мне возможности продвинуться дальше в моей проверке этой гипотезы.

Я на время отбросила свою первую версию и приступила к проверке второй и третьей.

«Если у Максима были значительные колебания относительно моего допроса», рассуждала я про себя, «то это исключит мою вторую гипотезу, что это могло быть пыткой перед допросом в стиле старого КГБ. Поэтому моя задача состоит в том, чтобы узнать, есть ли у него значительные колебания относительно моего допроса или нет».

- Видите ли, Максим, мой опыт показывает, что ожидание допроса хуже самого допроса, – начала я свой допрашивающий монолог допроса равномерным, негромким, дружественным тоном. – Я никогда не видела человека, кто хотел бы ждать допроса в течение долгого времени. На прошлой неделе я смотрела интересную викторину по телевизору. Там был такой вопрос: «Китайцы называют одно состояние души «один день как три осени». Скажите, какое состояние души они так называют». Команда ответила, что это была депрессия. Но правиль-

ный ответ был: «ожидание, потому что, когда вы ожидаете чего-то, то один день для вас тянется как целых три года. Я была просто очарована мудростью этой китайской поговорки. Так вот, ожидание допроса – это как раз то душевное состояние, которое можно назвать «один день как три осени».

Офицеры бывшего КГБ считали, что человек, который прошел через такое ожидание, будет сговорчивее. Но в науке поведенческого анализа это называют бойкотом или «обработкой молчанием» («Silent Treatment»), и это является одним из приемов эмоциональной манипуляции.

Этот прием описывается так: «Манипулятор отказывается общаться и использует это прекращение общения в качестве наказания. Это дает понять, что вы не достойны признания манипулятором вашего существования, не говоря уже о его времени, внимании, или размышлениях». Согласно лицензированному клиническому социальному работнику Стиву Беккеру, «цель человека, заставляющего другого человека молчать, состоит в том, чтобы вызвать у этого другого человека чувства беспомощности и стыда». Беккер говорит, что «Silent Treatment» – это «метод пытки. Это может показаться гиперболой, но люди (на самом базовом уровне) нуждаются в признании своего существования. Отказ в этом признании, особенно если он длительный, может привести личность к деформирующим душу последствиям».

Максим ерзал на своем стуле.

- И зачем вы мне все это рассказываете? – быстро перебил он, бросая взгляды в сторону, но не поворачивая головы.

Я подняла руку, чтобы остановить его, полагая, что такое прерывание было его попыткой высказать некое опровержение.

- Вы узнаете это через какое-то мгновение, – сказала я спокойно. – Вы знаете, что «Silent Treatment» – это метод пытки?

Его глаза расширились в предчувствии, и он уставился на меня неподвижным, пораженным ужасом взглядом, который показывал, что он чувствовал напряжение и, возможно, раскрывал тот факт, что я поймала его.

- Послушайте, – я продолжила свой монолог, – я звонила вам в понедельник утром, и ваш телефон был переключен на голосовую почту. Я позвонила Володе, и его телефон тоже был переключен на голосовую почту. Это продолжалось несколько дней. Когда мне, наконец, удалось поговорить с Володиной, он сказал, что вы в отпуске.

- Это не совсем так, – вставил он.

- Когда позже я снова звонила Володе, его телефон был переключен на голосовую почту, или он действительно отвечал, но тут же вешал трубку, – продолжала я, не обращая видимого внимания на это его уточнение.

- Ха, – хихикнул Максим, поддаваясь моей технике допроса, – Володя сказал мне, что не хочет общаться с вами и слушать ваши телефонные звонки, потому что ему были очень нужны эти люди, которых вы искали в Интернете, а вы категорически отказались делать это.

Я немного подняла брови, и мои глаза слегка расширились.

«Неужели моя первая гипотеза была, в конечном счете, правильной?» промелькнула у меня мысль.

- Значит, это он хотел наказать меня за мой отказ – произнесла я, проецируя вину, – он был последним человеком, тем не менее, кого я могла бы заподозрить в использовании пыток.

- Вы подозревали меня в использовании пыток, не так ли? – спросил Максим с искаженной и нервной улыбкой.

- Да, подозревала, – кивнула я. – Вы понимаете, что у такого его поведения могут быть кое-какие печальные последствия?

Максим отклонился подальше от меня, показывая, что эта тема причинила ему особое беспокойство, и забросил ногу на ногу, создавая барьер между мной и им.

- Алекс обращался со мной так. Каждый раз, когда я отказывалась работать на него, он серьезно наказывал меня. И теперь вы ведете себя точно так же, как он себя вел, – с вызовом произнесла я, – точно так же.

- И что вы хотите, чтобы я сделал с Алексом? – спросил он, пытаясь уклониться от моей линии опроса.

- Я не хочу, чтобы вы что-либо сделали с Алексом, и речь вообще не об Алексе, а о вас, – я мягко возвратила его назад на дорогу, по которой я хотела, чтобы он шел. – Вы не должны вести себя так, как он вел себя. Вот смотрите, – возобновила я свой допрашивающий монолог, – у меня есть очень ограниченные ресурсы: только Facebook, поиск в Google и группы «Vkontakte». Все мои критерии, которые я использую в своем поиске террористов, состоят из георгиевской ленточки, военной формы, различных статей, заполненных ненавистью к американцам и украинцам, разных публикаций, которые превозносят и поощряют сепаратистские тенденции в Донбассе, и присутствия друзей, которые поддер-

живают сепаратистов (в их публикациях в Интернете, конечно). Имея эти критерии и эти ресурсы, я не могу дать вам даже 40 % гарантии, что эти люди, которых я нахожу, действительно являются террористами и сепаратистами. Помимо этого, я должна убедиться, что люди, которых я отмечаю как «сепаратистов» и «террористов», не являются офицерами разведки ФБР или ЦРУ, которые работают под прикрытием, что они не искатели острых ощущений, и что такие люди действительно существуют в плоти и крови, а не являются вымышленными персонажами в Интернете, созданными каким-то одним единственным человеком. Смешно требовать от меня точных результатов, так как вы не дали мне нормальных источников информации. Только Володя знает, что я могу найти некоторых людей, и он хочет иметь их, независимо от того настоящие они террористы или нет, потому что это самый легкий способ работы для него, и он не хочет искать какие-то другие методы, будучи совершенно удовлетворенным этим самым легким путем. Это именно то, о чем я говорила все время: вы возьмете этих людей, вы будете пытаться их, не будучи уверенными, что они виновны. Но не все достаточно сильны, чтобы противостоять пыткам, и не все достаточно опытные и искусны, чтобы распознать пытки. Из-за такого подхода может случиться так, что некоторые невинные люди пострадают. Вероятно, даже много невинных людей пострадают. И я буду ответственна за это. Теперь я более чем когда-либо уверена в том, что Володя будет обращаться как с подозреваемыми со всеми теми людьми, которых я нахожу в Интернете и докладываю ему о них.

- Ну, – пробормотал Максим уклончиво, – мы не судьи, и мы не в суде. Нам здесь не нужны никакие доказательства.

- Нет, нам на самом деле как раз и нужны доказательства, Максим.

Он наморщил лоб, показывая мне, что испытывает трудности, и потер переносицу, демонстрируя этим свое беспокойство.

Я сменила тему и продолжила проверять мои вторую и третью гипотезы по-другому.

- Когда вы допросите меня? – спросила я его.

Он еще раз отклонился подальше от меня, демонстрируя мне, что эта тема создает ему дискомфорт, и забросил ногу на ногу, создавая барьер между мной и им.

- Не используйте это слово, пожалуйста, – попросил он, – допрос означает, что стороны не равны.

- Но как раз так это и будет – уверила я его.

- Нет, так это не будет.

- Да, будет, будет, – кивнула я. – Видите ли, Максим, – я начала свое нападение, чтобы обнаружить, были ли у него значительные колебания относительно моего допроса, – у вас должно быть много вопросов ко мне. Должно быть много вещей, которые вы не понимаете. Например, иногда я не могу подыскать какое-то слово на русском языке и вместо этого говорю его на английском. Это когда-либо вызывало у вас какое-то беспокойство?

- Конечно, у меня есть вопросы, – встрял он с быстрым замечанием.

- Тогда почему же вы их не задаете?

Он еще раз время отклонился подальше от меня, показывая этим, что эта тема расстроила его, и забросил ногу на ногу. Он сморщил лоб, показывая свою неуверенность, прикрыл все лицо обеими руками, что было поведением блокирования, как если кто-то закрывает свои глаза, чтобы остановить негативную информацию, и тер лицо ладонями, что было хорошим способом облегчить его напряжение.

Он не находил, что ответить, и просто сидел на своей скамье, сильно опустив плечи, и пристально глядел на стол неподвижным, мрачным, взволнованным взглядом. Но мне уже не был нужен какой-то словесный ответ, потому что невербальные реакции Максима говорили красноречивее любых слов. Они раскрыли мне тот факт, что у него действительно были значительные колебания относительно моего допроса.

Когда я ехала домой на автобусе, я размышляла над деталями этой встречи. «Что он имел в виду, когда сказал, что 'во время допроса стороны не равны'?», спрашивала я себя. «Они, конечно, не равны, но не в том смысле, в котором он представлял себе это. Что означает для него допрос? Не означает ли он для него нечто подобное пытке?»

Глава 11.

Судный день

13 февраля 2015 года.

Я позвонила Максиму во вторник 10 февраля, но его телефон снова работал в режиме голосовой почты, и было невозможно дозвониться к нему. Я послала ему несколько текстовых сообщений. Нет ответа!

«Послушайте, Максим, если вы продолжите подвергать меня бойкоту, то будьте уверены, что я создам для вас проблемы!», написала я текстовое сообщение.

Не отвечает! Мрак ситуации сгущался, становясь более зловещим, и бремя такой обструкции, этого упрямого молчания становилось невыносимым, тяжелым и болезненным.

Я позвонила Володе, не надеясь, что он ответит.

- Алло, Катарина! – я услышала его дружелюбный голос в своем «Смартфоне».

- Послушайте, Володя, я не могу дозвониться до Максима.

- О, я не знаю, где он.

Он произнес это спокойным, искренним тоном, и я поняла, что он сказал мне правду.

«Значит, это не Володя хотел наказать меня за мой отказ искать для него этих людей в Интернете», подумала я с болезненным выражением на лице. Это сделал Максим. Я спрашивала себя, как мог Володя мучить меня, ведь такое поведение совсем не вписывалось в его профиль. Я нахмурилась и слегка покачала головой. Я задавала себе вопрос, не ошиблась ли я в его профиле. Нет, не ошиблась. Лгал мне именно Максим.

Поздно вечером в четверг 12 февраля Максим внезапно позвонил мне. Тон его голоса выдавал глубокое беспокойство из-за всех тех проблем, которые я собиралась создать для него. Он предложил встретиться на следующий день.

Вечером я подготовила несколько вопросов к Максиму, рассчитывая снова вытолкнуть его из его зоны комфорта и узнать, наконец, истинное значение его поведения.

На следующий день, в пятницу 13 февраля, я спокойно ждала его на моем обычном месте в тускло освещенном и достаточно уныло выглядевшем главном зале «Пиццерии Престо». И, как обычно, женщина в немецкой военной форме и морской офицер улыбались мне с большой и красивой черно-белой фотографии на стене.

Высокая, стройная и азиатски выглядящая фигура Максима появилось в дверном проеме даже немного раньше назначенного времени. Сразу за ним виднелось короткое, неуклюжее тело начальника Володи – Володи Чопика с черной, косматой копной волос.

Появление его шефа сначала немного смутило меня, но я быстро преодолела это колебание.

- Я знаю, что что-то происходило в течение этих трех недель. Что именно происходило? – задала я им свой первый вопрос.

Максим тут же покосился в сторону, что свидетельствовало о том, что мой вопрос в некотором роде представлял для него угрозу. Он прикрыл глаза рукой, проявляя беспокойство. Это было поведением блокирования, которое выдавало его беспокойство.

«Я была права – происходило что-то серьезное», отметила я про себя.

- Вы демонстрируете плохие невербальные сигналы, – заявила я специально, чтобы усилить его беспокойство и сделать так, чтобы ему было труднее лгать мне.

- Черт побери! – пробормотал он.

Володя Чопик попытался с помощью смеха отмахнуться от моего вопроса. Максим постарался помочь ему.

- Вы не отвечаете на мой вопрос, – упорствовала я. – Только ответьте на мой вопрос, пожалуйста.

Им не удалось с помощью смеха отмахнуться от моего вопроса, но и ответа они не дали. Это показало мне, что без любого сомнения происходило что-то достаточно серьезное.

Я немедленно продолжила свое интервью: – Почему вы устраиваете мне обструкцию?

Володя Чопик ухмылялся, показывая свое презрение ко мне, и пытался притвориться, что он не знал, что я имела в виду под «обструкцией». Я объяснила. Для меня было очевидно, что ему не нужно было объяснение, он только тянул время, чтобы продумать свой ответ.

- Кто сказал, что мы устроили вам обструкцию? – вызвался помочь Максим.

«Плохо, очень плохо – он ответил на мой вопрос вопросом», анализировала я, «и он тоже тянул время и придумывал, что бы ему соврать. Очевидно, этот «бойкот» был целеустремленным действием, придуманным ради какой-то серьезной цели не Володей, а Максимом и Володей Чопиком».

- Это не я, – бормотал Максим, гримасничая и проводя руками по своим темным волосам, – это не мы. Это вы, вы отказались получить статус беженца.

- Фу! – произнесла я с глубоким презрением, – вы же сами сказали мне в конце декабря, что не можете дать мне больше 60% гарантии, что я получу этот статус.

- Я не говорил о 60%! – запротестовал он, и его щеки стали темно-красными из-за чувства вины за его наглую ложь, – я сказал вам, что мы не можем вам дать 90% такой гарантии.

- Это полное вранье! – сказала я с вызовом, расставив локти шире от тела и сверля Максима холодным, жестким и строгим взглядом, – я записала тот разговор на диктофон. Вы хотите услышать свои собственные слова прямо сейчас?!

Максим отвел взгляд и опустил подбородок на грудь, сильно ссутулившись, и сжал ладони в кулаки.

- Между прочим, – сурово продолжала я вызывающим тоном, – почему вы не подготовили документы для моего легального пребывания в Украине?

- Я не работал с вашими документами, – признался он с кривой и нервной улыбкой.

- Что?! – выражение моего лица стало строгим, и я поджала губы.

Максим ерзал на своей скамье, стараясь не смотреть на меня.

Следующим шагом моего теста было рассказать им о Светлане Давыдовой из Вятки, Россия. В апреле предыдущего года эта женщина позвонила в украинское посольство и сказала им, что российские солдаты были отправлены к украинской границе, чтобы пересечь ее. Ее посадили в тюрьму Лефортово и обвинили в шпионаже. Моей целью было описать это Максиму и Володе Чопику, чтобы показать им то, что ждет меня в России, если я когда-либо пересеку российскую границу.

Пока я рассказывала им об этом, они внезапно очень оживились и начали болтать друг с другом.

- Ты это помнишь? – спросил Володя Чопик, обращаясь к Максиму.

- Еще бы, конечно, помню! – воскликнул Максим, резко двигая руками.

- Это было классно! Взгляд Володи Чопика прыгал с места на место.

- Да, классно!

Они болтали об этом как о теме эпизода, который был известен им во всех подробностях. Это потрясло меня. Для меня с самого начала было очевидно, что Светлану Давыдову предал кто-то в украинском посольстве в Москве, но я не могла предположить, что люди из Львовского областного управления СБУ будут знать все эти подробные сведения. Вместе с тем фактом, что Максим продемонстрировал невербальные знаки признания и вины, когда я когда-то сказала ему о Развожаеве, российском лидере оппозиции, который был похищен в Киеве во время режима Януковича, эта беседа Максима и Володи Чопика о Светлане Давыдовой выглядела зловещей, позорной и ужасной. Если бы они не были вовлечены в это грязное дело, то не знали бы все эти детали. Я поняла, что они могли предать любого, и была потрясена этим до глубины души.

- Какое отношение все это имеет к вам? – спросил Володя Чопик, повернувшись ко мне.

- Вы должны понять, что русские могут сделать со мной, если они бросили Светлану Давыдову, которая сделала маленькое, но очень важное дело, в тюрьму Лефортово. Я работаю с вами уже шесть месяцев. Я уже сделала в десять раз больше, чем она.

Володя Чопик внезапно попытался отрицать даже сам тот факт, что я работала на них.

- Вы хотели бы отрицать то, что я работала с Володей в течение трех месяцев?! – я набросилась на него со свирепостью львицы, чувствуя, как невыносимая боль ужасного оскорбления ужалила меня в сердце как ядовитая змея.

Он был озадачен.

- О, нет! – он немного отклонился назад, показывая попытку дистанцироваться от меня.

- Вы стали бы отрицать, что я работала с Максимом?!

Я повернулась к Максиму, впиваясь в него укоризненным, строгим и сердитым взглядом.

- О, нет! – Максим опустил голову как виноватый.

- Тогда что????!!! – рявкнула я. – Почему вы теперь не даете мне новых задач?! – настаивала я.

- Мы дадим вам материал, а вы передадите его американцам! – заявил Володя Чопик.

Он встал и ушел. Максим последовал за ним, но, не дойдя до двери, все же обернулся и пробормотал что-то непонятное, сверля меня диким, разъяренным взглядом своих темных глаз, в которых пылал особенный гнев и жгучая, смертельная ненависть.

* * *

Я думала о поведении Максима весь тот день, и понимание того факта, что он был предателем, усиливалось во мне все больше и больше. Я решила проверить это, используя самый сильный тест, и в тот же вечер послала ему такое текстовое сообщение: «Сколько денег офицеры ГРУ заплатили вам за то, что вы предали меня?»

Его ответ поступил очень быстро: «Задавайте мне определенные, реальные вопросы. Нет никакого смысла, и нет времени говорить о ерунде».

Это был плохой ответ. Второе предложение он сформулировал в безличной форме, упустив местоимение «у меня» перед словами «нет времени», что свидетельствовало мне, что он не связывал себя лично со своим высказыванием. Кроме этого, он не ответил на мой вопрос.

Я решила продлить свой тест и послала ему другое текстовое сообщение: «Я задаю вам абсолютно конкретный вопрос: раньше вы говорили мне, что допросите меня, и после этого я получу какой-то статус. Это не произошло. Почему?»

Нет ответа!

Все еще оставшиеся следы сомнений рассеялись как хрупкий утренний туман, и их место заняла твердая убежденность в том, что Максим и Володя Чопик предали меня ГРУ. Я была очень озабочена своей безопасностью, прекрасно осознавая то, что они в любой момент могли где-нибудь схватить меня и насильно отправить в Россию.

«Украинцам нельзя доверять!!!» пульсировала в моей голове тревожная мысль, «они слишком коррумпированы».

Глава 12.

Пойманы с поличным

13 и 14 февраля 2015 года.

Очень поздно в тот же самый вечер (в пятницу 13 февраля), я заглянула в почтовый ящик своей электронной почты и неожиданно нашла там письмо от Максима.

ПИСЬМО МАКСИМА

Добрый вечер!

Под определенными, реальными вопросами понимается приблизительно следующее:

1. О документах – вы нуждаетесь в помощи из-за:

- необоснованного отказа Государственной миграционной службы принять ваши документы;

- требований представителей Государственной миграционной службы о предоставлении документов, которые не предусмотрены законом;

- необоснованной задержки решения вашей проблемы из-за ошибки представителей Государственной миграционной службы и/или их отказа дать официальный ответ;

- вымогательства представителями Государственной миграционной службы взяток для решения проблемы;

- умышленного/неумышленного нарушения представителями Государственной миграционной службы процедур, которые нанесли вам последующий ущерб;

- И так далее.

2. О вашем добровольном сотрудничестве:

1. Если у вас есть определенная информация о подготовке и выполнении определенными лицами террористической, экстремистской, или какой-либо иной противозаконной деятельности (особенно действий, включая совершенные

членами иностранных спецслужб) с целью нанесения ущерба Украине и ее гражданам, и вы желаете добровольно сообщить властям для предотвращения таких действий, то:

- Сверьтесь, пожалуйста, с положениями Законов Украины «О контрразведывательной деятельности», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О Службе безопасности Украины» с точки зрения задач и компетенций этих органов. Если все совпадает, вы можете продолжать.

2. Если у вас есть информация о какой-либо другой преступной деятельности, вы можете сообщить об этом властям.

3. О ваших способностях и умениях. К сожалению, в настоящее время я не могу найти, как использовать их в соответствии с вашими взглядами и убеждениями, чтобы достигнуть желаемого уровня результатов. А просто занимать время бессмысленно. Поэтому в настоящее время некоторый интерес представляет отдельные эпизоды вашего прошлого.

4. О вашей защите. Я не слышал от вас никаких подробных доказательств угроз вашей жизни, здоровью и собственности. Если у вас есть какие-либо данные, которые зафиксированы любым способом (фотографии, аудио- и видеоматериалы, документы), вы можете предоставить их нам, чтобы могли быть приняты соответствующие меры.

О договоренностях.

Я повторяю, никто не собирается допрашивать вас. Соглашение относительно подробной беседы после вашего возвращения из Киева об определенных фактах, которые требуют расследования и проверки, было в силе до недавнего времени.

Из-за появления в наших беседах необоснованной, обвинительной и полной претензий риторики с вашей стороны и обвинений в выдаче вас кому-либо (по моему мнению, недопустимой), я откладываю эту беседу на более поздний срок (для отдельного решения).

Я не выдвигаю никаких претензий (хотя имею основания и желание). И поскольку вы оставляете за собой право переключаться на английский язык в переписке, я воспользуюсь правом писать вам в будущем на украинском языке.

Проблема взаимопонимания и доверия вернулась на несколько шагов назад. Я думаю, что это показало максимальную лояльность и готовность заниматься вашими проблемами, и не имело никакого смысла. Чем больше проблем, тем больше также тратится времени.

В будущем буду считать вопросы о мотивах, причинах поведения и тому подобном несвязанными с целью переписки и не буду отвечать. Поэтому приложите усилия, чтобы получить законные документы в Украине, и затем все изменится в правильном направлении.

МОЙ ПЕРВЫЙ ОТВЕТ МАКСИМУ

Привет, Максим!

У меня нет никаких возражений против того факта, что вы написали мне на украинском языке. Так как словацкий – мой родной язык, и, помимо этого, я знаю сербский и польский языки, для меня нетрудно понять украинский язык. Хотя я вижу что-то ребяческое в наших взаимных обидах.

Не подвергайте меня «Silent Treatment» (я не знаю, как назвать это на русском языке!!!). Я уже объяснила вам, что это – метод пытки.

Кроме того, у меня нет никаких возражений против того факта, чтобы вы выдвинули претензии, как вы написали, особенно если у вас есть причины и желание сделать так. Возможно, мы найдем некоторое взаимопонимание, решая серьезные вопросы. Серьезные проблемы обычно помогают сделать это. Заметьте, что я выдвигаю претензии и задаю вопросы. Это несколько неправильно, что вы не делаете того же. Если у вас есть какие-либо вопросы ко мне, почему вы их не задаете?

Об угрозах в мой адрес. Одна из них возникла, когда я все еще работала с Володиной. У меня есть огромная коробка документов на эту тему. Володя тогда не помог мне. Мне пришлось с очень большим трудом самостоятельно заниматься этим вопросом почти в течение месяца, я сумела защитить себя, но потом у меня была мигрень из-за ужасной усталости.

Относительно доверия, после сегодняшнего КОШМАРА мое доверие к вам было разбито на куски. Мы должны все построить заново тем или иным способом. Вы не поняли, что я полностью честна и откровенна с вами. Я говорю вам правду. И все же я не видела откровенности с вашей стороны, и потому я продолжаю делать проверки согласно моим методам. Сегодня я провела вас через еще одну проверку. Разве вы не думаете, что несколько ненормально, что я должна подвергать вас тем самым методам, которые я должна была бы применять к вашим подозреваемым? Мне кажется, что это совершенно ненормально! Но вы не доверяете мне! Кстати, чем больше вы пытаетесь скрыть свою реальную личность за полуофициальной поверхностью, тем труднее будет для нас установить связь. Вы не можете понять тот факт, что у нас разное происхождение, разное образование и разный менталитет. Вы должны привыкнуть к тому факту, что

ваш партнер отличается от вас. Вы не должны угнетать меня. Под каким углом зрения вы смотрите на меня? Я совсем не чувствую, что со мной обращаются как с перебежчицей. Вы не хотите общаться со мной, посвящать мне ваше время... И как можно работать без этого?!

И относительно моей работы, здесь проявляется та же проблема. Не может быть такого, чтобы специалист по латентно-семантическому анализу не смог бы найти какую-то работу без моральных серых зон.

Относительно законов я могу сказать вам, что, когда я расследовала в Сербии эти убийства в той тюрьме, я наизусть знала уголовно-процессуальный кодекс. Так что я очень хорошо знаю природу вашей работы. Не нужно смотреть на меня как на новорожденного ребенка. По моему мнению, это Володя-старший [Володя Чопик] смотрит на меня так?

Относительно разговора о моем прошлом (на английском языке это называют «допросом» (interrogation) или «интервью» (interview)), мои методы показали мне, что вы не решаетесь делать это вследствие того, что я являюсь специалисткой по латентно-семантическому анализу. Вы колеблетесь, не зная, как приблизиться ко мне. Оставьте! Профессионалов тоже можно допрашивать, я уже говорила вам об этом. Между прочим, я буду испытывать намного больше уважения к вам, если вы остановитесь из-за нерешительных колебаний.

Катарина

* * *

Следующим утром, в субботу 14 февраля, я еще раз прочитала письмо Максима и мой ответ на него. И на сей раз его письмо показалось мне обидным и оскорбительным, а мой ответ – слишком дружелюбным, спокойным и лишенным нескольких решающих деталей. Я взяла свой ноутбук и быстро написала второй ответ – такой же холодный и формальный, как и его письмо.

МОЙ ВТОРОЙ ОТВЕТ МАКСИМУ

Добрый вечер, Максим,

Я пишу подробный ответ на ваше электронное письмо, выдержанное в официальном стиле.

Итак, первая проблема – это проблема документов. Ясно, что без вашей помощи я не смогу получить какие-либо документы (если это касается регистрации для временного проживания, потому что мне нужны документы от волонтерских ор-

ганизаций). Тем временем, насколько я понимаю из вашего письма, вы полностью устраняетесь от всех вопросов относительно регистрации моих документов. Но при этом ведь вы должны искать решение этой проблемы, не я. Вы сделали фотокопии моих паспортов и дипломов. Зачем?

Вторая проблема касается моей так называемой добровольной помощи. Это выглядит просто чудовищно. Ваше письмо создает полное впечатление, что вы не знаете, кто я такая, как я приехала в Украину, и почему я нахожусь в СБУ. Вы написали о моей так называемой добровольной помощи так, как будто вы имели в виду обычного гражданина Украины с улицы, который только что получил какую-то информацию и может предоставить ее соответствующим органам. Однако вы очень хорошо знаете, что в моем случае все совершенно иначе. Поэтому все, что вы написали о моем так называемом добровольном сотрудничестве, не только неприемлемо, но более того, это похоже на вызов.

Третья проблема – вопрос моих способностей и умений. В вашем письме вы написали об этом следующее:

«К сожалению, в настоящее время я не могу найти, как использовать их в соответствии с вашими взглядами и убеждениями, чтобы достигнуть желаемого уровня результатов». И теперь снова внимательно перечитайте это предложение. Вы заявили, что ваша работа не отвечает самым обычным моральным и этическим принципам, и что человек, который соблюдает самые обычные моральные и этические принципы, определенно не может делать такую работу. Это ставит естественный вопрос: что же это за работа, если ее не может выполнять человек, который соблюдает моральные и этические принципы? Такую работу называют преступной деятельностью. Это очень серьезно, Максим.

Четвертая проблема относительно моей защиты не менее чудовищна, чем третья. Это прямая ложь, когда вы говорите, что не слышали от меня каких-либо конкретных фактов угроз моей собственности. Вы очень хорошо знаете, что некие люди побывали в моей квартире. Если это не прямая угроза, по крайней мере, моей собственности, то возникает вопрос: что это? Я уже писала вам о той угрожающей ситуации, которая имела место с середины октября до середины ноября, и что Володя знал об этом. Если вам нужны документы, вы их получите.

Относительно следующих четырех параграфов, я уже написала вам о них в моем предыдущем письме. Теперь о последнем параграфе. В вашем письме вы заявили следующее: «В будущем буду считать вопросы о мотивах, причинах поведения и тому подобном несвязанными с целью переписки и не буду отвечать». Таким образом, вы заранее полностью устраняетесь от любой ответственности за ваши действия. Поэтому я тоже приму во внимание это ваше за-

явление и буду учитывать тот факт, что у вас могут быть любые мотивы, включая преступные.

Катарина

Мои особые замечания относительно письма Максима

«Я не слышал от вас никаких подробных доказательств угроз вашей жизни, здоровью и собственности».

Это наглая ложь. Я рассказывала Максиму, что какие-то люди дважды побывали в моей квартире и после их последнего посещения исчезли мое кольцо и один важный документ. Так как он знал об этих фактах, было ложью говорить, будто он не слышал от меня никаких подробных доказательств угроз моей собственности.

«Я повторяю, никто не собирается допрашивать вас. Соглашение относительно подробной беседы после вашего возвращения из Киева об определенных фактах, которые требуют расследования и проверки, было в силе до недавнего времени».

С точки зрения логики это несвязная тарабарщина. «Подробную беседу об определенных фактах, которые требуют расследования и проверки», как раз и называют «допросом». Поэтому глупо говорить, что «никто не собирается допрашивать меня».

Почему Максим избегает термина «допрос»? Что означает слово «допрос» для НЕГО? Не означает ли оно для него пытку?

«Из-за появления в наших беседах необоснованной, обвинительной и полной претензий риторике с вашей стороны и обвинений в выдаче вас кому-либо (по моему мнению, недопустимой), я откладываю эту беседу на более поздний срок (для отдельного решения)».

Эта фраза вызывает много вопросов.

Прежде всего, Максим никогда не говорил мне, что не предал меня ГРУ. В моем текстовом сообщении я прямо обвинила его в том, что он предал меня ГРУ. Этот параграф – его ответ на мое обвинение. И это – заявление классического лгуна. Он был неспособен написать опровержение: «Я не предал вас ГРУ». Вместо этого он начал говорить о «необоснованной, обвинительной и полной претензий риторике с моей стороны и обвинений в выдаче меня кому-либо». Это уловка классического лгуна – виновный человек не может написать такое опроверже-

ние. Помимо этого, Максим изменил слово: он писал о «выдаче» вместо «предательства». «Предать» – это слово звучит в сильном тоне. «Выдать» звучит намного мягче. Такой мягкий тон языка – признак обмана. И как будто этого было недостаточно, Максим решил сделать свое заявление более правдоподобным и добавил: «по моему мнению, недопустимой». Это – очевидный сигнал обмана. «По моему мнению» – это самое слабое подтверждение, которое человек может дать своему утверждению факта.

Во-вторых, Максим написал в своем письме, что он **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** подвергает меня той классической пытке КГБ перед допросом: «Я откладываю эту беседу на более поздний срок».

«Добрый вечер!»

Человек, который пишет письмо, должен приветствовать получателя, используя его имя. Это правило этикета. Если человек, который пишет письмо, НЕ приветствует получателя, используя его имя, как это произошло здесь, то это является признаком некоторой неприязни или вражды, которую автор письма испытывает по отношению к получателю. Отсутствие моего имени после слов «Добрый вечер!» означает, что у Максима была некоторая неприязнь и вражда ко мне.

Недостающее местоимение «я»

В письме Максима есть много мест, где отсутствует местоимение «я». Так как местоимения обозначают ответственность людей, отсутствие «я» означает, что он не связывает себя обязательствами со своими высказываниями.

Отсутствие подписи.

Максим не захотел подписать свое письмо, и, исходя из этого, можно сказать, что он не брал на себя ответственности за то, что он написал.

Вывод

Типично вводящий в заблуждение ответ Максима на мой вопрос, предал ли он меня ГРУ, окончательно решил его судьбу. У меня больше не было сомнений, что он предал меня ГРУ.

Глава 13.

Когда дело плохо...

18 февраля 2015 года.

Прибыв в Киев в тот день, это было 18 февраля, я немедленно отправилась в центральный офис СБУ.

Я открыла тяжелую, массивную дверь мрачно выглядевшего серого гранитного здания, которое гнетуще доминировало над соседними домами, вступила в вестибюль, и на несколько секунд не могла сдвинуться с места – настолько советским было все, с чем я столкнулась там. Внешний вид, манеры и поведение офицеров СБУ, которые поспешно проходили взад и вперед передо мной, так поразительно напоминали вид и поведение офицеров старого советского КГБ, что у меня возникло неясное ощущение того, что старая, печально известная советская Лубянка – зловещая штаб-квартира КГБ середины двадцатого столетия – внезапно материализовалась у меня перед глазами.

Я видела, что украинская СБУ сама застряла в советской системе и была неспособна выбраться из нее. Помимо этого украинская СБУ была настолько похожа на российскую ФСБ, что ее можно было назвать сестрой-близнецом или клоном российской спецслужбы. Во Львове этого нельзя было заметить, но здесь в Киеве эта реальность была совершенно прозрачна.

Офицер в форме указал мне кабинет дальше по коридору, куда я должна был пойти, чтобы передать мое заявление о Максиме и всех его действиях. Я вошла в этот коридор, открыла дверь того кабинета и вступила внутрь. Справа от входа там возвышался огромный офисный стол, и очень похожий на сотрудника КГБ офицер господствовал над ним как король на троне. Он сделал небрежный жест рукой, показывая, что я могу сесть. Я дала ему свое письменное заявление. Он взял его и начал читать.

Пока я сидела там, новое характерное чувство вползло в мою душу: я чувствовала, что я была совершенно чужой во всей этой ситуации, и что мое место не было там. Это было острое, подавляющее чувство, которое охватило всю меня. Мое американское образование дало мне американский менталитет, и с ним я была совершенно чужой там, в этом СБУ.

Этот офицер был не очень удивлен и впечатлен моим заявлением. Я не могла обнаружить его реакцию на свою информацию, потому что он никак не показывал своей реакции – точно в стиле старых советских офицеров КГБ.

«Он уже получил какие-то данные, которые совпадают с этими моими фактами, или же он ничего не получил?», мысленно спрашивала я себя.

Он дал мне понять, что они собираются отослать мое заявление во Львов. Это обескураживало: в лучшем случае оно попадет в руки непосредственного начальника Володи Чопика, а в худшем случае оно окажется на столе самого Володи Чопика.

«Qui custodiet ipsos custodies? Кто устережет самих сторожей?» думала я про себя.

Глава 14.

Порочный круг

18 марта 2015 года.

Утром 17 марта какой-то человек позвонил мне и сказал, что он сотрудник СБУ и хотел бы поговорить со мной о моем заявлении относительно Максима. Мы согласились встретиться на следующий день в десять часов утра в здании Львовского областного управления СБУ. Следующим утром, это была среда 18 марта, я без десяти десять пришла в Львовское управление СБУ. Глубокая, немая тишина и безразличная неподвижность царили в пустынном фойе главной приемной, только холодный бриз дул через арку входа. Никто не ждал меня там. Я открыла дверь помещения секретариата и заглянула внутрь.

- Вам придется подождать, – сказал высокий широкоплечий человек с довольно отталкивающим выражением лица, который сидел за столом секретаря как король на троне, пристально рассматривая меня недружелюбным и острым взглядом своих темных глаз. – Они скоро придут.

Я вернулась в приемную, пододвинула стул ближе к радиатору центрального отопления, села, пытаюсь избежать холодного ветра, и дала своей голове отдохнуть, чтобы потом сконцентрироваться на трудной работе.

Наконец, шаги нескольких человек прозвучали позади арки, и небольшая процессия вошла в фойе приемной. Во главе ее шел очень по-русски выглядящий мужчина с круглым лицом, глазами цвета лесного ореха, густыми черными бровями, с тяжелой квадратной челюстью и копной сальных темных волос. Он держал в руке картонную папку. Высокая белокурая женщина с сильными мускулами и вытянутым лицом, в котором было что-то враждебное и недружелюбное, сопровождала его по пятам. Ее лицо и вся ее внешность были даже больше русскими, чем внешний вид мужчины; у меня даже возникло стойкое впечатление,

что у нее были все характерные черты типичной жительницы Москвы. В конце процессии шагал невысокий, довольно неприметный человек, внешний вид которого был подчеркнута украинским. Я ни секунды не сомневалась, что ОН был единственным настоящим украинцем в этом странном трио.

Украинский коллега поспешно поднялся на несколько шагов по маленькой лестнице, которая вела от входа в фойе, и поспешил к двери второго рабочего помещения. Другой мужчина и женщина остановились в середине приемной и нервно волновались, бросая вокруг себя скрытые взгляды. Было очевидно, что они чувствовали себя не в своей тарелке.

«Почему?» спросила я себя, рассматривая их пристально и внимательно и анализируя их странное поведение. «Если бы они были офицерами СБУ, то они считали бы себя хозяевами ситуации, а они почему-то ведут себя здесь как гости и чужаки. Их невербальные сигналы выдают это с безошибочной ясностью».

Украинский коллега открыл второе рабочее помещение, и женщина еле-еле, очень нерешительно помахала мне рукой, приглашая меня войти. Когда все вошли в кабинет, украинский коллега ушел, закрыв дверь за собой.

Выглядящий по-русски мужчина и женщина начали с того, что заявили, что они не могут раскрыть мне свои имена и фамилии.

Когда они начали говорить, я немедленно заметила их очень гладкий, ясный, беглый русский язык. Ни у кого из них не было и следа украинского акцента. Это было очень странным, ненормальным явлением для Львова, где все говорят на русском языке со своеобразным, легко отличимым, специфическим произношением.

Они оба попытались убедить меня пойти в РОССИЙСКОЕ КОНСУЛЬСТВО, якобы чтобы получить там некоторые документы для моего пребывания здесь во Львове.

С точки зрения закона это было вдвойне возмутительно: прежде всего, они вынуждали перебежницу, сбежавшую из России, пересечь российскую границу, пусть даже консульства, и, во-вторых, какое отношение имело российское консульство к моему пребыванию в Украине? Очевидно, никакого – они не выдают документы для пребывания какого-либо лица в Украине – это является заданием исключительно украинской иммиграционной службы. Поэтому требование этого мужчины и этой женщины было полной нелепостью, уловкой, чтобы ублажить глупого идиота, чтобы потом можно было поймать его в ловушку и насильно вывезти в Россию.

«Нет, я не такая сумасшедшая дура!», размышляла я и разглядывала мужчину и женщину, сурово прищурившись и презрительно усмехаясь.

- Я не пойду в российское консульство, – заявила я кратко и твердо, – никогда не пойду.

- Тогда мы вышлем вас в Россию, – угрожал мужчина.

- НАСИЛЬНО ВЫВЕЗЕТЕ меня в Россию, – поправила я едким тоном. – Точно так, как вы это сделали с Развожаевым.

- О, это вовсе не было трудно, – криво улыбнулся он. – Существует очень тесное сотрудничество между СБУ и ГРУ плюс ФСБ, – признал он с готовностью, без каких-либо заминок и колебаний.

- Вы не сможете этого так легко добиться, потому что в Украине есть закон, запрещающий депортацию в любую страну человека, который в той стране может быть подвергнут пыткам, – заявила я, скривив губы, и мое лицо приобрело кислое выражение.

- Как же вас будут пытать? – спросил мужчина.

- Точно так же, как и прежде. Эти черти из этой проклятой России попытаются оторвать меня от мира – как они делали в течение всех этих лет – и помешать моим попыткам делать что-то положительное. Их цель состоит в том, чтобы заставить меня все глубже и глубже погрузиться в себя, пока я больше не смогу контролировать свои ответные реакции как взрослый человек. Они думают, что, когда они достигнут этой цели, мое сопротивление серьезно ослабнет.

В тот момент, когда я произнесла фразу «... этой проклятой России...», женщина продемонстрировала явные невербальные признаки того, что она была очень оскорблена. Это было необычно для Львова.

- Что вы теперь делаете? – спросила она, наклонившись вперед ко мне.

- Я пишу свой роман о Сноудене.

- Тогда сидите дома и пишите свой роман, – посоветовал она. – Это не хуже, чем это было в России, не так ли?

- Что?! – взорвалась я в негодовании, резко двигая руками, и отражение пронизывающей острой боли появилось на моем лице. – Мой отец любил говорить, что, если что-то не лучше чего-то, тогда это хуже. Вы теперь помещаете меня, как отшельника, как раз в то самое заключение, о котором я говорила с минуту

назад! Послушайте, я сбежала сюда, чтобы вырваться из этой изоляции, чтобы, наконец, смочь выполнять ту работу, которую я люблю и могу делать ее очень хорошо, чтобы принять участие в позитивных действиях. И пока я работала с Володей, мне казалось, что я принимала участие в позитивных действиях. Но теперь – на мгновение я почувствовала ком в горле, теперь я вижу, что в действительности ничего не изменилось. Если бы у меня было хотя бы малейшее подозрение, что здесь я оказалась бы в том проклятом заключении, как отшельник, я никогда бы – понимаете, никогда – не перешла бы на сторону ЭТОЙ страны!

Женщина внезапно встала, вышла вперед и обняла меня. Я была изумлена, неспособна реагировать.

- Вы знаете, куда исчез Йозеф? – неожиданно спросила она, показывая этим невербальные признаки большого и неподдельного интереса.

- Я не знаю, – ответила я кратко.

Она говорила о Йозефе как о ком-то, кого она знала очень хорошо. Это само по себе было очень существенно, потому что никто не знал подробных сведений о Йозефе здесь в СБУ – ни Володя, ни Максим, ни Володя Чопик.

* * *

Разговор с этим мужчиной и этой женщиной дал мне две интересные теории, о которых следовало бы подумать. Первая: что, если печально известный Максим был из российского консульства (с его очень русской внешностью и русской фамилией Черкес)? Вторая: я была почти на 100% уверена, что этот допрос, который он не смог сделать, должен был быть совершенно особым делом. Он хотел допросить меня, что было вполне нормально, но не в здании Львовского управления СБУ, не в моей квартире и не в кафе, а в каком-то другом месте, которое он знал и, «где мы будем одни», как он сказал мне однажды. Когда я говорила с ним об этом, само по себе слово «допрос» всегда серьезно смущало его, и он постоянно просил меня не называть это так (но чем это было бы тогда?).

Что касается меня, то я жила согласно американским принципам – называть вещи своими именами: «Я говорю то, что думаю». И это, очевидно, спасло меня от того, чтобы меня без моего желания затянули в российское консульство.

Немного позже я начала все более убеждаться, что не только печально известный Максим, но также и этот мужчина и эта женщина тоже были из российского консульства. Все доказательства указывали в этом направлении.

Казалось очевидным, что СБУ предало меня ГРУ.

Приложения

Приложение 1.

ЗАЯВЛЕНИЕ В СБУ

Я, Ткачёва Екатерина Фёдоровна, являюсь перебежчиком из Москвы. Меня преследуют органы ГРУ.

Я обратилась в СБУ города Львова в августе 2014 года и работала под руководством Володи (фамилия мне неизвестна). Успешно провела целый ряд серьезных расследований: по Харьковской народной республике и Львовской народной республике, серии взрывов в Харькове, по всем батальонам ДНР и ЛНР, а также по организации "Ночные волки", батальону "Йован Шевич" и олигарху Фридману (все трудно перечислить).

В середине ноября мне сменили Володю на Максима Черкеса. Смену организовал начальник Володи Владимир Чопик (или Чапик). Максима не интересовали серьезные расследования, он якобы старался сделать мое пребывание в Украине легальным, однако вместо этого он только тянул время и не предпринимал никаких реальных шагов в этом направлении. Его реальный статус вызывает у меня очень большие сомнения: кто он и откуда? зачем он появился? На территории Львова и Львовской области такой человек не числится проживающим. Я его многократно проверяла по своим Американским методикам. Я по образованию профайлер, имею американской диплом. Методики показали, что Максим постоянно говорит неправду и все его действия лживы, это не действия, а трюки, специально рассчитанные на какие-то криминальные действия.

Я обвиняю Максима Черкеса в применении ко мне методов пыток, умышленном затягивании оформления моих документов, а также в том, что он не принял никаких мер по факту внедрения в мою квартиру неизвестных лиц, которые украли мое кольцо и очень важный документ.

Я подозреваю Максима Черкеса и Владимира Чопика в том, что они сотрудничают с органами ГРУ. В этом необходимо разобраться.

Приложение 2.

СЛУЖБА БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ
Управління Служби безпеки України у Львівській області
вул. В. Винниченка, 21, м. Львів, 79032, телефон: (032) 264-31-40
мобільний: 097-498-1429, факс: 032-264-31-40

62/03/15/62/3/Т-162/14, 62/3/Т-150/14, 62/3/Т-137/14

№ _____ від _____

Прим. № 1

Ткачовий К.Ф.
м. Львів, вул. Лебівська, 101А/4

Шановна Катерино Федорівно!

Повідомляємо, що Ваші заяви від 18 та 19 лютого 2015 року щодо дій співробітників Управління та з питань проживання на території України, за Вашою участю уважно розглянуті.

За результатами проведеної перевірки встановлено, що співробітниками УСБ України у Львівській області діяли в межах компетенції, визначеної для органів Служби безпеки України статтями 2, 24 та 25 Закону України «Про Службу безпеки України».

18 березня 2015 року представниками Управління Вам детально роз'яснено вимоги міграційного законодавства України щодо отримання законних підстав для проживання на території України.

Прийміть за результатами розгляду скарги рішення. Ви маєте право оскаржити у встановленому законодавчим порядку.

Т.о. начальника Управління **В.М. Кобалівський**

Приложение 3

ВТОРОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

На моё заявление от 18 февраля 2015 года я получила ответ, что рассмотрение его должно быть в СБУ г. Львова.

17 марта 2015 года мне позвонили из СБУ г. Львова и назначили встречу на 18 марта на 10 часов утра в приемной СБУ.

В приемную СБУ на встречу с нами (я была с мамой) пришли двое: мужчина и женщина (их привёл сотрудник СБУ, который тут же удалился и больше не появлялся). Эти мужчина и женщина не представились нам, объяснив, что не могут называть свои имена и показывать свои документы. Они стали требовать объяснения, что мы хотим. В моём заявлении чётко указано, что я желаю знать, кто такой Максим Черкес и какова связь его и Володи Чопика с органами РФ. При упоминании о связи СБУ с органами РФ мужчина резко заявил, что между ними имеется тесное сотрудничество.

Женщина вела разговор только в направлении того, чтобы мы обязательно пошли в Российское Консульство. С юридической точки зрения мой поход в Российское Консульство недопустим. При таком походе я реально оказываюсь на территории России, которая является для меня опасной.

В разговоре неожиданно выяснилось, что эта женщина хорошо знала отца Йозефа Гунчагу, его место пребывания в г. Рязани, и вдруг она задала вопрос: "А куда исчез Йозеф?" Мы ответили, что не знаем. Беседа закончилась в общем НИЧЕМ!

И сразу возник вопрос: кто эти мужчина и женщина? Ничего общего с работой в СБУ у них не было. И внешне, и в манере разговора было ясно, что они не из СБУ, а скорее всего из Российского Консульства г. Львова, так как весь разговор шёл именно в этом направлении. Они типично русские! (странно для Львовского СБУ!) Кто их пригласил на беседу с нами?! После такой беседы я предположила, что и Максим Черкес тоже был из Российского Консульства г. Львова.

Я впредь категорически отказываюсь от встреч с людьми, которые не представились и не предъявили документы.

Я требую, чтобы рассмотрением моего заявления занималось не СБУ (тем более города Львова!), а более высоко стоящие структуры Украины! Прошу выяснить и сообщить мне, кто такой Максим Черкес, кто эти мужчина и женщина, кто их допустил в СБУ? Какую связь они имеют с российскими спецслужбами? Почему несмотря на то, что я занималась волонтерской деятельностью на благо Украины в течение полугода у меня нет никаких прав на Украине? Меня просто использовали и выбросили на улицу (или продали в Россию!)

Приложение 4.

СЛУЖБА БЕЗПЕКИ УКРАЇНИ
Управління Служби безпеки України у Львівській області
вул. П. Шелестова, 55, м. Львів, 79012, тел. факс: (032) 261-01-43
e-mail: sbu@sbu.gov.ua, sbu@sbu.gov.ua, sbu@sbu.gov.ua

№ 24.01.13 № 14 Т-325/14 На _____ від _____

Прим. № 1

Гасцьоній К.Ф.
м. Львів, вул. Любимська, 101А/4

Шановна Катерино Фелоріанов!

Повідомляємо, що Ваша заява від 17 квітня 2015 року щодо надання інформації стосовно співробітників Управління Служби безпеки України у Львівській області уважно розглянута в межах компетенції.

Згідно з пунктом 5.27 наказу Центрального Управління Служби безпеки України від 21.08.2012 № 400 «Про затвердження Переліку відомостей, що становлять службову інформацію у Службі безпеки України» інформація щодо співробітників СБ України є службовою інформацією, а її розголошення у відповідності до вимог ст. 28 Закону України «Про Службу безпеки України» не допускається.

Прийміть за результатами розгляду скарги рішення. Ви маєте право оскаржити у встановленому законодавством порядку.

Начальник Управління В.Г. Андрейчук

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс «ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).